

Невинная привычка

ИЛИ

СМЕРТНЫЙ ГРЕХ?

*Данилов мужской монастырь
Даниловский благовестник
Москва 2012*

УДК 271.2
ББК 86-372
Н 40

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 10-15-1499*

*Н 40 НЕВИННАЯ ПРИВЫЧКА ИЛИ СМЕРТНЫЙ ГРЕХ?
М.: Даниловский благовестник, 2012. – 192 с.*

ISBN 978-5-89101-248-6

Есть в православной литературе темы, которые традиционно остаются за гранью нашего общего внимания, – темы, что называется, не для обсуждения, не для разговора. Одна из таких замалчиваемых тем – сквернословие. Говорить об этом людям верующим не очень приятно, но – надо.

Перед нами стоит нелегкая, но необходимейшая просветительская задача: донести до массового сознания понимание того, что сквернословие – не просто привычка и даже не просто дурная привычка. Мы должны осознать, что сквернословие – это грех, то есть – нарушение нашей нравственной и духовной связи с Богом.

Конечно, борьба со сквернословием – задача непростая, и все-таки, возможность осознания собственного греха, возможность покаяния и изменения собственной жизни не закрыта, по милости Божией, ни для кого. И в осознании этого общего греха, мы надеемся, поможет и наша книга.

© Данилов ставропигиальный мужской монастырь, составление, оформление, верстка, 2010

ISBN 978-5-89101-248-6

*Подружкам моим дорогим
посвящается*

Попытка оправдаться *Вместо предисловия*

Виртуозно использовать непечатную лексику (а если называть вещи своими именами – ругаться матом) я начала на филологическом факультете одного из самых престижных московских вузов. У нас было так принято, в этом был особый шик. Правда, все это происходило в своем кругу, тогда на улице все-таки так не сквернословили, тем более девушки. Двадцать лет работы в должности корректора, а затем редактора в самом большом Издательстве страны не отучили меня от мата. Ругалась я сама, ругались и ругаются все вокруг. А что далеко ходить, когда бывший министр культуры М. Швыдкой в одной из телевизионных передач на всю страну произнес: «Русский язык без мата невозможен».

Уже в зрелом возрасте, после тяжелых болезней, утрат близких людей, начался сложный путь моего воцерковления. На очередной исповеди я дежурно каялась и в грехе сквернословия, но в глубине души за особо тяжкий грех не считала. Однажды в частной беседе я сказала игумену Г. (тогда еще иеромонаху), что с некоторыми грехами мне расставаться нетрудно, а вот

прекратить ругаться матом – не могу. Я была почти уверена, что батюшка, человек с филологическим образованием, меня, конечно же, поймет и не будет очень строго судить, и была искренне удивлена его реакцией. Отец Г. резко прервал мои излияния: «Нет, нет, ты ни в коем случае не должна этого делать. Представь себе, что каждый раз, когда ты произносишь эти мерзкие слова, ты оскорбляешь Саму Пресвятую Богородицу. Помни об этом». Эта отповедь заставила меня по-новому взглянуть на этот грех. Как филолог, я, естественно, в первую очередь обратилась к книгам, и прочитанное о мате, о его влиянии на жизнь, на судьбу человека, меня ужаснуло. Я поняла, что все эти годы просто убивала себя, убивала не только духовно, но и физически.

Конечно же, в первую очередь мне захотелось предупредить, остановить своих подружек, которые продолжают это делать, но они меня не слышат. Тогда и родилась идея этого сборника. В него вошли статьи и материалы, которые, я надеюсь, заставят многих сначала задуматься, а в дальнейшем и положить конец этому, на первый взгляд, не очень страшному, но на самом деле чудовищному греху.

р. Б. Н.

Слово Главного редактора

Есть в православной литературе темы, которые традиционно остаются за гранью нашего общего внимания, – темы, что называется, не для обсуждения, не для разговора. Одна из таких замалчиваемых тем – сквернословие.

Сказать, что сквернословие широко распространилось по Российской земле, – сегодня значит уже ничего не сказать. Ведь матерная брань захватывает теперь уже и нематериальные области. А именно – эфир. Самые массовые средства информации стали сегодня самыми действенными пропагандистами разврата, сквернословия и тому подобного неприличия.

Отчего это происходит? Можно говорить об общемировом падении культуры, когда на главное, на первое место в обществе выдвигается хам (уже не «грядущий», а пришедший в нашу жизнь), можно сетовать по поводу обесценивания слова как такового, можно жаловаться на непросвещенность народа – но первопричина

В Свердловской области учитель литературы обучал школьников тонкостям русского мата!!!

//NEWSru.com//В России//29 декабря 2004

будет только одна. Ее давно уже выразил немногими, но точными словами наш великий гений Ф.М. Достоевский: «Если Бога нет – всё позволено».

Как ни крути, а первопричина любого греха – Богоотступление. И в сквернословии мы видим, как злобные духовные сущности, в союзе с нашим собственным падшим естеством, все время пытаются оправдать наш грех, наши падения. Оправдать грех, чтобы этим отдалить и отделить нас от Творца.

И вот уже угодливая современная наука, остающаяся для многих наших современников непререкаемым авторитетом и почти идолом, вводит «обценную лексику» в число академических дисциплин и даже открывает в университетах

В Казанском университете введен спецкурс по изучению ругательств в русском языке. Официально курс называется «Русская историческая обценология».

«Эхо Москвы»

Обценология как область языкознания изучает ненормативную лексику, в том числе и мат. По словам преподавателя университета Даниила Копосова, изучение этой дисциплины поможет молодым филологам лучше выразить свои мысли и чувства.

<http://209.85.129.132/search?q=cache:5BruPKtRJNEJ:forum.armkb.com/archive/index.php/t-7771.html>

спецкурсы по «обсценологии» (!). Представляете себе сотни и тысячи «ученых», всю жизнь плавающих с научной целью (!) в дерьме сквернословия?..

Итак, говорить о сквернословии людям верующим не очень-то приятно, но – надо.

Перед нами стоит нелегкая, но необходимейшая просветительская задача: донести до массового сознания понимание того, что сквернословие – не просто привычка и даже не просто дурная привычка. Люди в массе своей должны осознать, что сквернословие – это грех, то есть – нарушение нашей нравственной и духовной связи с Богом.

Конечно, борьба со сквернословием – задача непростая. Грани между добром и злом, истиной и ложью настолько стерты в нашем обществе, грязное слово настолько въелось в сознание обывателя, что он почти не может понять, почему ругаться нельзя, а особенно – в присутствии детей.

Почти... И все-таки, возможность осознания собственного греха, возможность покаяния и изменения собственной жизни не закрыта, по милости Божией, ни для кого.

Вот с этого нам и надо начинать: с общенационального осознания, что сквернословие есть грех перед Богом и нашими ближними. И конечно – перед своей собственной душой.

И в этом осознании общего греха пусть поможет и наша книга.

Владимир Малягин

Издательство сердечно благодарит авторов, православные периодические издания и Интернет-сайты за материалы, вошедшие в книгу. Сожалеем, что не со всеми авторами и издателями нам удалось своевременно связаться, и будем рады видеть вас в своей редакции.

О грехе сквернословия

Богохульство – отвратительнейший и непросительный смертный грех. Очень важно, чтобы пастыри в наших храмах и особенно после совершения Крещения, перед тем как родителям и крестным давать отпуст, говорили краткое поучение против сквернословия, особенно богохульного, а также против табакокурения, пьянства и разврата. Эти четыре порока как горький пережиток прошлого, сплетенные в единый злокозненный клубок, все еще остаются нравственной чумой нашего времени. Это тяжкий недуг народной души, против которого необходимо бороться всем вместе.

Протоиерей Константин Борщ

Никон (Рождественский), архиепископ

Порок языка

Есть пороки, которые до того внедрились в массы народные, что мы, пастыри Церкви, кажется, устали бороться с ними и опускаем руки, благо не видим от них таких вопиющих последствий, какие, например, видим от пьянства. А между тем они не меньше пьянства растлевают душу народную, заражают духовную атмосферу на Руси и иногда становятся прямо нетерпимыми. Таков порок сквернословия и «черного» слова. Не говорю уже о деревне, где пьяные отцы еще так недавно нарочито давали уроки этой мерзости пятилетним малюткам, даже в городах, даже в наших столицах, на улицах совершенно безнаказанно звучит скверно-матерное слово. Даже пословицы есть: «Ругается, как ломовой, как извозчик, как сапожник». Как ни мерзостно слышать эту ругань, а поневоле ее терпишь: ведь пока едешь по улице, то, если бы привлекать к ответственности ругателей, пришлось бы раза два-три остановиться, чтоб «составить протокол». Да еще свидетелей потребуют. «Пробовал я, – говорил мне один почтенный батюшка, – делать так: если

мой извозчик произносил матерное слово, я останавливал его, заявлял ему, что больше не хочу ехать с ним, потому что глубоко оскорбляет и меня, и прохожих своею руганью, но ничего не выходило – опять приходилось прибегать к полиции, чтобы отвязаться от него: он требовал вознаграждения за проезд. Стоит ли заводить с ним дело, когда он же будет торжествовать над тобой победу, ибо кому охота быть свидетелями его безобразия, не говоря уже о потере времени и неприятностях при этом?»

Но этого мало. Порок этот – как ни странно это сказать – довольно распространен и среди наших интеллигентов. Если не скверно-матерное, то «черное» слово получает даже право гражданства в самой печати. Не говорю о мелкой «уличной прессе», – даже в такой солидной газете, как «Новое Время», – пусть простит меня почтенная редакция – встречаются имена духа тьмы в их народном произношении. Читаю корреспонденции с театра войны: солдаты и их командиры, нисколько не стесняясь, перекидываются «черным» словечком, то – в милую шутку, то – в виде привычного красного словца, то – как крепким бранным словом. А что господа корреспонденты не выдумывают эти словечки, а пишут с «натуры» – это может подтвердить каждый священнослужитель, находящийся теперь среди войск в самом близком общении с нашими героями-воинами. Правда, есть еще чистые души, свободные от этой заразы, и их, конечно, немало, которые сторонятся и «черного», и ма-

терного слова: они берегут себя, но не смеют громко протестовать против проявления этого порока среди товарищей, чтоб не получить кличку «святоши», «красной девицы» и подобных. Они смущаются, иногда приписывают неудачи военные именно сквернословию товарищей, но тем и кончается дело. Скорбят душою, а что могли бы они сделать?

Вот что пишет мне один добрый пастырь из глуши Саратовской губернии.

«Недавно мне пришлось услышать от своей прихожанки, жены мученика-воина, убитого на войне, о таком сетовании. Муж ее, после излечения от полученной на войне раны в одном из лазаретов, был отпущен на некоторое время домой на поправку. И вот он, человек, по общему признанию, очень богобоязненный, кроткий и смиренный, жаловался ей, жене своей, что на войне, среди нашего войска, страшно развито сквернословие, в котором виноваты все – и нижние чины, и самые высшие начальники. “Какая это война, – говорил этот воин, теперь покойник, убитый после вторичной отправки на войну. – На каждом слове ругань, куда ни повернись – сквернословие”... И действительно, стараясь проверить справедливость этой жалобы, я убедился, что сквернословие, присущее очень многим, особенно развито среди военных. Многие из прихожан заявляли мне, что многие нижние чины, учителя новобранцев и ополченцев, унтер-офицеры и фельдфебели на всяком слове сквернословят, как будто не могут обойтись без крепких слов.

Я часто возмущался этим, но в то же время утешал себя мыслию, что на войне-то, на самом поле битвы, едва ли позволяют себе этот грех. Оказывается, что все равно – и пред глазами смерти не могут расстаться с пагубною привычкою. Рассуждая далее и становясь на точку зрения упомянутого солдатика, я стал думать: уж не за то ли нас Господь наказывает на войне и не дает успеха, что весь воздух заражен сквернословием, как бы удушливым газом, и помощь Божия и благословение отгоняется таким, почти общим, грехом наших воинов? Прочитав же вашу статью “Хитрые сети”, я и вовсе подумал: не есть ли сквернословие такая же измена русских людей православной вере и учению христианскому, как наше сектантство и идолопоклонство евреев?»

В заключение автор просит «поднять свой голос на борьбу с грехом сквернословия и обратиться с воззванием ко всем русским людям, и в частности к воинам, – оставить пагубную привычку, оскорбляющую Господа и отвращающую милость Его от нас и от наших воинов на поле брани».

Порок сквернословия – старорусский порок; едва ли он не составляет наследие еще татарского ига. Против него всегда боролись пастыри Церкви, писатели-иноки, гражданские законы... И писать особое «воззвание» после немалой литературы есть ли надобность? Из наиболее сильных, готовых поучений против сего порока укажу хотя бы на свой «Троицкий листок», под заглавием «Беседа о сквернословии и о матерном слове» или на поучение известного про-

поведника протоиерея Полисадова: «Кто учит людей срамословию?» Указываю на эти листки потому, что они уже имеются именно в форме листков, как наиболее удобной для массового распространения («Троицкий листок» №№ 88 и 719)*. Надо такие и подобные листки распространять тысячами среди войск. Надо, чтобы военные священники неустанно твердили при всяком удобном случае, что порок этот сквернит и душу, и тело, отгоняет Ангела-Хранителя от человека, отнимает покров Матери Божией и прочее.

Наши воины – души, восприимчивые ко всему, что идет от Церкви, от отца духовного. Правда, привычка делается второй природой, особенно привычка языка: невольно, незаметно для самого себя сквернослов станет повторять гнусные слова, но уже и то хорошо, если человек будет почаще упрекать себя за привычный порок: сознание во грехе – уже начало его исправления. Совесть верующего воина, ввиду постоянной опасности смерти, бывает особенно чутка: духовники говорят, что воины в окопах с радостью откликаются на предложение исповедаться и причаститься Святых Таин при всяком удобном случае. Вот время, зело благоприятное для напоминания им о необходимости борьбы с привычным пороком. И мы знаем, что добрые пастыри не упускают при этом случая вразумить сквернослова, но обычно слышат: «Что делать, батюшка? Привычка уж такая, не утерпишь».

* См.: Приложение. С. 171–183.

Господствуй над языком, чтобы не умножить грехов твоих.

Преподобный Антоний Великий

Дают обещание сдерживаться, но снова и снова впадают в тот же грех.

Офицеры должны бы прийти на помощь пастырям в борьбе с этим пороком. К сожалению, и сами они, многие из них, сквернословие за грех не считают. Хорошо, если бы высшие военные начальники обратили внимание офицерства на этот порок. Надо помнить религиозную природу русской души: она не может жить без мистики, она черпает силы в мистических, религиозных настроениях, в молитве, в покаянии, в чистой совести. Она, слава Богу, как я выше сказал, чутка к требованиям совести. Она верует, что Бог помогает тем, кто помнит заповеди Божии, лишает благодатной помощи тех, кто оскорбляет Его грехом. Она смиренна по духу нашей Матери-Церкви, воспитывающей нас в духе смирения. Такова в общем природа русской православной души. Надо стараться, чтобы русский православный воин был всегда готов вступить в бой с врагом его веры, царя и Отечества с чистой совестью. Это дает ему дерзновение уповать на помощь Божию. Известно, что нечистая совесть бездерзновенна. Сквернословие каждый воин считает грехом. Ругается по скверной привычке языка, но в душе, вспомнив Бога, говорит: «Прости, Господи». Вот и надо глубже запечатлеть в его чуткой душе сознание, что скверно-

словие есть тяжкий грех, лишаящий его Божия благословения и помощи, что поэтому надо бороться с ним всемирно, дабы победить врага Божией помощью. Наш враг забыл Бога, не только не сдерживает, но и поощряет в своих солдатах всякого рода жестокость; он полагает, что чем более солдат ожесточен против врага, чем отчаяннее будет натиск, тем скорее будет одержана победа. Известно, что перед приступом, перед атакой германцы поят своих солдат коньяком и другими одуряющими напитками. Слава Богу, что наши христоробивые воины в этом не нуждаются. С крестным знаменем, с твердой надеждой на Бога они идут в бой. Чем смиреннее пред Богом, чем покаяннее настроена душа воина, тем ближе к нему помощь Божия. Призыв к покаянию, к сознанию своей греховности не может внушать уныния: уныние, по учению Святых Отцов, есть порождение гордыни, а покаяние – приближение к Богу и обновление духовных сил. Мы, русские православные люди, вместе с царем Давидом твердо помним, что Господь – «не на силу коня смотрит Он, не к *быстроте* ног человеческих благоволит, – благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» (Пс. 146, 10–11). А потому и Церковь наша не престанет призывать к покаянию, к исправлению жизни как всех сынов родной земли, так и воинов христоробивых*.

* *Никон (Рождественский), архиепископ.* Православие и грядущие судьбы России. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, Новая Книга. 1995. С. 414–418.

Варнава (Беляев), епископ

Сквернословие: «площадная, матерная брань», «СЛОВЕСНЫЙ ЭКСТИБИЦИОНИЗМ»

Сквернословие – гнусный порок, который в Священном Писании приравнивается к смертному греху (см.: Еф. 5, 4–5). От него стонет мать-земля Русская, им растлены души и уста великих философов и писателей, которые еще стараются учить других добру и произносить вслух прекрасные слова, но никак не могут справиться с этой пагубной привычкой, оставаясь наедине, в кругу друзей, когда ничто уже не заставляет сдерживать себя.

Умалилась духовная жизнь – умалилась и проповедь церковная. По ложному ли стыду, по боязни ли упреков за упоминание в храме такого «неудобь сказаемого» – да и несоответствующего обстановке – предмета, по отсутствию ли сознания его важности и приносимого им вреда при строении духовной жизни христианина или, наоборот, с отчаяния, что все равно ничего не сделаешь против моря греха, но только подобная проповедь прекратилась. Где прежние Павлы,

Киприаны, Василии, Златоусты? Где они, беспощадно, неумолчно обличавшие эту гнусность, из-за которой невозможно положить самое начало спасения? Ведь есть растление тела и есть растление души, и поскольку душа превосходит тело, а слово есть самое ценное и высокое в человеке, отличающее его от скотов и уподобляющее Богу (сравни: Бог Слово), постольку растление души и осквернение слова – великий грех.

Срамословие – болезнь, которой заболевают, впрочем, добровольно. И как болезнью им занимаются психиатры, и о происхождении его строят свои догадки историки культуры, этнографы, антропологи. Даже филологи заинтересовались данным явлением. В настоящее время на Западе существует целая литература на этот счет: многотомные описания всего одной только вещи – полового акта у различных народов и во все времена, естественного и противоестественного, в сопутствующей обстановке которому иногда думают находить условия происхождения срамословия; затем различные словари, сборники матерных слов и выражений и тому подобное.

Конечно, скажут: это ведь в «научных» целях делается, а не ради удовлетворения страстей безнравственных людей, скупающих порнографические стихотворения, описания, картины, фотографические карточки и прочее. А я скажу: в том ли заключается ваша пресловутая наука, чтобы, надев профессорский вицмундир с докторским значком на нем и вооружившись для

приличия латынью, заниматься изучением того, о чем стыдятся говорить между собою и проститутки, когда они не заняты своим ремеслом? Не значит ли это под видом высокой цели заниматься тайком самым гнусным и тонким развратом? Дьяволу, конечно, вовсе не нужно, чтобы писатель или великий ученый непременно по публичным домам шатался и растрачивал тем свое здоровье, но ему гораздо интереснее, чтобы талантливый деятель, благодаря своим помраченным способностям, растлевал людские массы. Если он погибнет, то погибнет только один, а если пустит в народ свои сочинения, отравленные тонким ядом греха, то погубит многих. Дьяволу есть чему порадоваться... А вещи такого рода можно делать только под видом важного дела или даже добродетели. Вот и здесь – наука-де нужна, хорошая цель преследуется. Но если бы это было так, показать бы надо не только, в чем мерзость порока, но и как от него избавиться, да и *религию бы надо к делу привлечь*, послушать, что она скажет. Ведь это ее больше всего касается. Но ничего подобного не наблюдается. Следовательно, и все построение от демонов – сперва тонко обольщаются и растлеваются вожаки «культурного» человечества: ученые, поэты, писатели, а через них и общество, читающая публика.

Срамословие присуще всем векам, местам и народам. Порок этот есть наследие чисто языческое. Он всецело коренится в фаллических культах Древнего Востока, начиная с *глубин сатанин-*

ских (Откр. 2, 24) и темных бездн разврата в честь Ваала, Астарты и прочих и кончая классическими наследниками библейского Хама. Причем порок этот и какое-то странное тяготение к нему находятся в прямой зависимости от того, насколько близко стоит человек к Богу. И если он отодвигается от Божества, то тотчас же начинает входить в область сатанинскую и приобретать эту скверную привычку – призывать вместо Бога имя лукавого и вместо божественных вещей поминать срамные. И удивительнее всего то, что человек, повторяя в XX веке по Рождестве Христовом некоторые бесстыдные слова и действия, и не догадывается, кому и чему он этим обязан из такого же по счету столетия, но только до Рождества Христова.

Для примера возьму времена более близкие, классические, именно укажу на суеверные обычаи у греков и римлян. Чтобы оградить себя от враждебных демонов и дурного глаза, они с детства уже навешивали на себя изображение божества, культ которого был возложен на девственниц-весталок, а состоял в непристойных словах, действиях и изображении того, от познания чего девица превращается в женщину. Рекомендовалось также «сплюнуть на сторону» или три раза к себе в пазуху или выразиться крепко с упоминанием этого срамного божества. Так было более двух тысяч лет тому назад.

Но вот восклицание распропагандированных деревенских парней, рабочих, когда они толпой

встречаются с духовным лицом, слышимое так часто у нас теперь: «Держись за пуговицу, поп идет!» Из обычно употребляющихся грубых выражений привожу единственно допустимый здесь вариант. Откуда это? Кто их выучил верить в предохранительную силу половых органов против злого влияния, которое в данном случае якобы распространяется священником? Дьявол. Это пережиток только что упомянутых классических языческих времен, неизвестными для науки путями переброшенный демонами из полуденных стран Эллады и Рима в нашу деревню, занесенную снегами, под 55° северной широты в Московской губернии, и в шалаша австралийцев, под субтропическое солнце, на другой конец земного шара.

Профессор В. Богораз (Тан) сообщает почерпнутые из австралийских рассказов дикарей сведения, как надо поступать при подобных же встречах с некими существами духовного порядка: «Как только услышишь их крики, надо тотчас остановиться и молча переждать, все время потирая рукою свои детородные части». Как у Церкви есть Священное Предание, так и у цивилизации есть тоже свое предание, передатчики и охранители которого – бесы.

Таким образом, эти скверные чудовищные выражения суть на самом деле «священные», «молитвенные» формулы, обращенные к срамным демонам. Христианин! Употребляя их, подумай, кому ты служишь вместо Бога, кому молишься, что ты делаешь. Ты не просто совершаешь легко-

мысленное дело, не простую грубую шутку допускаешь. Но ты произносишь страшные заклинания, ты привлекаешь гнуснейших бесов, ты в это время сатане приносишь противоестественную словесную жертву. Ты делаешься, посредством самых смрадных приемов, колдуном, магом, чародеем, быть может не зная и не хотя того. Однако дело остается делом – и бесы тебя окружают и рукоплещут...

С того времени, когда христианство сделалось господствующей религией и когда люди стали принимать его уже не по убеждению, а по выгоде, порок срамословия от язычников перешел к этим двоеверным христианам.

В настоящее время сквернословие – повсеместный порок. Даже в так называемой изящной литературе, и притом иностранной, авторы не могут обойти его: «...Послышались крепкие слова и брань с упоминанием о родителях», – живописует в одном из своих главных романов известный американский писатель Джек Лондон.

Вообще же об исключительном процветании порока срамословия на русской почве основательно и вполне откровенно говорил известный критик и литератор С.А. Венгеров:

«Современный русский интеллигент, самого добродетельного и скромного образа жизни,

Господь хранит твою душу, пока ты хранишь язык.

Преподобный Антоний Великий

сплошь и рядом отпускает такие шутки и выражается такими словами, которые привели бы в краску немецкого сапожника. В какой другой стране, кроме России, можно встретить ту заборную литературу, благодаря которой вы, гуляя с детьми вашими, то и дело должны чем-нибудь отвлекать внимание их от пристального рассматривания стенных надписей? А излюбленное трехэтажное словечко наше, которое составляет такую прочную “катеорию” русской общественной жизни?.. Щедрин в свою поездку по Волге только и слышал, что это слово, которое стоном стояло в воздухе. Сам же покойник, как известно, несмотря на крайне целомудренный образ жизни своей, тоже был до последней степени не воздержан в выражениях – очень уж крепко сидела в нем пошехонская закваска».

В заключение этого отдела прибавлю еще несколько слов о том мнении, которое оправдывает существование скверной привычки чисто практической выгодой. Приведу изложение этой точки зрения в рассказе знаменитого американского юмориста Марка Твена «Наброски праздного путешественника».

Капитан Джонс, сообщается здесь, «был глубоко и искренне религиозен, но клялся и ругался, как рыбная торговка. Он считал это вполне извинительным, так как матросы не поняли бы приказаний, не приправленных ругательствами».

А Джек Лондон, сам прошедший, как известно, головокружительный жизненный путь, выражается еще циничнее: «Хорошее ругательство,

употребляемое изредка и в нужный момент, – вещь действительная» («Сын Солнца», гл. VI). Хотя и он замечает, что в брани должна быть мера: «Слишком часто ругаться – значит лишать ругательства свойственного им воздействия» (там же). Это уже правила из учебника какой-то сатанинской нравственности.

Но как же смотрит христианство на всё это? Говорит ли оно что-либо о матерной брани? Есть ли определенный взгляд, прямая заповедь церковная относительно нее? Всё есть.

Святой апостол Павел повелевает:

Блуд и всякая нечистота... не должны даже именоваться у вас, как прилично святым. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение; ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый... не имеет наследия в Царстве Христа и Бога (Еф. 5, 3–5).

Еще яснее апостол Павел говорит в Послании к Колоссянам (3, 8):

А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злое речие, сквернословие уст ваших.

О хранении языка и о заразе, которая распространяется от срамословия на все окружающее, говорит и святой апостол Иаков (см.: Иак. 3, 6–12).

Святые Отцы и учителя Церкви в первые века христианства, когда христиане постоянно сталкивались с развратными язычниками, были вынуждены непрестанно напоминать верующим об их высоком звании, чтобы они охраняли себя и опасались, как бы не заразиться самим тою же

смрадную привычкой, которой больны язычники. Вместе с тем они разъясняли, в чем состоит истинное существо порока.

Так, Климент Александрийский еще в конце II века по Рождестве Христовом на своих лекциях поучал слушателей катехизаторской школы в Александрии, готовившихся к принятию крещения:

«От неблагопристойных речей мы не только сами должны воздерживаться, но строгостью своего взгляда, отворачиванием головы, так называемым морщением носа, а часто и жестким словом намордник набрасывать на уста и тем, кто вдается в такие речи. Ибо *исходящее из уст, говорится, оскверняет человека* (Мф. 15, 18)...

Не менее ревниво мы должны охранять себя от приражения к нам неблагопристойных речей; слух верующих во Христа должен быть защищен от этого».

Все дело в употреблении и цели. Ведь, в сущности говоря, «ни в словах, коими в нас нравственный стыд вызывается за некоторые органы, ни в самых этих частях тела, ни в половом совокуплении брачной четы... нет ничего такого, чем обозначалось бы в собственном смысле неприличное. Колено, икры и подобные члены не представляют собою чего-либо неприличного ни по наименованиям своим, ни по деятельности; половые же части человека составляют предметы стыда, а не позора. Непристойно, достойно стыда и срама и потому достойно наказания только противозаконное приведение в дей-

ство, потому что истинно непристойен лишь грех и его дела. Соответственно этому под речами неблагопристойными в собственном смысле можно разумеать говорение лишь о вещах греховных, например о любодееании, педерастии и тому подобном. Однако же нужно и праздно болтовни избегать».

Выпишу еще цитату из святого Иоанна Златоуста.

«Хочешь ли знать, сколь великое зло – говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. В самом деле, что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего?.. Как же ты можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными глазами возбуждаешь ее идти в распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе; но когда в душе твоей такой смрад, скажи мне, как ты дерзаешь приступать к Тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, положил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божия, когда мы приобщаемся Таинства Евхаристии) приносишь слова, гнуснейшие всякого нечистого сосуда? Да и как может быть иначе? Ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как такие слова; ничто не делает людей столь наглými и бесстыдными, как когда они говорят и слушают

подобные слова; ничто так легко не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною».

Грех этот настолько немаловажен и требует столь большого внимания для своего искоренения, как со стороны повинного в нем, так и со стороны пастырей, что Церковь даже выносила данный вопрос на обсуждение своих Соборов, считая необходимым обращаться к содействию и государственной власти, особенно в тех случаях, когда язычники позволяли себе срамно выражаться в священных для христиан местах, вводя в этот соблазн и самих христиан, так что с глубокою скорбью говорил некогда Карфагенский Собор (318 г.): «И изрещи стыд есть... непотребными словами оскорбляют честь матерей семейств и целомудрие других бесчисленных благочестивых жен... так что от прибежища самыя святыя веры почти убегати нужно бывает».

Как же христианину вести себя в присутствии сквернословов?

Тут же, во-первых, *обратиться умом к Богу, вооружиться Иисусовой молитвой* и, во-вторых, *если нельзя убежать, то переносить брань с терпением и осуждением себя самого.*

Вот примеры: два из времен древних пустынных IV века, третий – из времен нынешних.

В «Древнем Патерике» рассказывается, как братия посетили одного святого старца, живше-

го в пустынном месте. Они нашли вне монастыря его отроков, пасших [скот] и говоривших непристойные слова. После того как они открыли ему свои мысли и получили пользу от знания его, говорят ему:

– Авва, как ты терпишь таких отроков и не запрещаешь им, чтобы они не баловали?

– По немощной природе, братия, – отвечал со смирением старец. – Я нахожу иногда дни, когда желал бы запретить им, и однако же, упрекая самого себя, говорю: если сего малого не переношу, то как могу перенести, если пошлется мне великое искушение? Поэтому-то я ничего не говорю им, чтобы получить привычку переносить случающееся.

А в терпении – как старец знал – заключается заповедь и обетование спасения Самого Господа (см.: Мф. 10, 22).

Еще сказывал авва Пафнутий (известный египетский пустынный): «Однажды путешествуя, я по причине тумана сбился с дороги и очутился близ одного селения. Там встретил я некоторых срамно говоривших. Устранившись, я пал перед лицом Бога, осуждая себя самого. И вот Ангел идет ко мне с мечом и говорит: “Пафнутий! Все осуждающие братий своих погибнут от меча сего. Но ты хорошо сделал, что не осудил их, а смирил себя пред Богом, как будто бы ты совершил грех их. Посему имя твое вписано в книгу жизни”» («Древний Патерик»).

Хотя Ангелы не являются нам с такими поучениями, но невидимым мечом действуют

несомненно – через болезни, внезапную смерть, удары и прочее, – хотя бы и не в момент совершения греха.

Рассказывает еще о своем духовном отце и старце, иеросхимонахе Александре, затворнике Гэфсиманского скита (близ Свято-Троицкой Сергиевой Лавры), его ученик, тоже известный старец, игумен Зосимовой пустыни, отец Герман:

«Однажды к отцу Александру пришел мирской человек и начал говорить различные мерзости и про себя, и про других. В то время в келии старца был келейник его; он не вытерпел того, что пришлось ему слышать от рассказчика и, не желая долее слушать, вышел. После келейник, пришедши к старцу, спросил его:

– Батюшка, простите, я соблазнился, слыша слова, которые говорил вам тот мирянин. Я думал, и вам слушать это мерзостно?

Отец Александр на это отвечал ему:

– Я не слыхал ни слова, – *в это время ум старца был занят молитвой*, – и ты хорошо сделал, что ушел; не нужно бы совсем слушать с самого начала: немощные духом бегают от этого...»

Как прекрасна добродетель блаженного старца!.. Этот душистый мед целомудрия и чистоты в его устах и в сердце по сравнению со зловонной сукровицей, истекающей изо рта еще при жизни у разных знаменитых гениев и вождей человечества!*

* *Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского. Н. Новгород, 2002. С. 154–161.*

Сергий Николаев, протоиерей

О грехе сквернословия

Грехи языка – одни из самых труднопреодолимых, и потому так часто появляется соблазн посчитать их незначительными, как-то оправдать, «не заметить». К сквернословию, особенно в последнее время, так привыкли, что многие его действительно не замечают и удивляются, что слова эти все еще являются нецензурными.

Слово... Звук, живущий доли секунды и пропадающий в пространстве. Где он? Пойди поищи эти звуковые волны. Слово... Почти нематериальное явление. Кажется, и говорить-то не о чем. Но слово – то, что уподобляет человека его Создателю. Самого Спасителя мы называем Божественным Словом. Творческим словом Господь создал из небытия наш прекрасный мир, «космос», как называли его греки. Это значит «красота». Но и человеческое слово обладает творческой силой и воздействует на окружающую нас действительность. Слова, которые мы произносим и слышим, формируют наше сознание, нашу личность. А наши сознательные действия оказывают влияние на ту среду, в которой мы живем.

Наше слово может содействовать Божьему замыслу о мире и о человеке, а может и противоречить ему.

Церковь всегда призывала своих чад быть внимательными к словам и особенно предостерегала от греха сквернословия. *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе...* (Еф. 4, 29), – учит апостол Павел. *А блуд и всякая нечистота... не должны даже именоваться у вас* (Еф. 5, 3), – настаивает он. Неслучайно Апостол называет эти слова гнилыми.

Святые Отцы говорят, что блудные грехи смердят. Сквернословие же, или так называемый мат, по своей тематике относится к блуду. И смердит. Хотя не все это ощущают – придышались. И что удивительно, запах только что съеденной котлеты сразу же стараются приглушить жевательной резинкой, поту с помощью какого-то снадобья из баллончика вообще перекрыли дорогу наружу, чтобы как-нибудь не «запахнуть» на людях, туалетную бумагу стали делать с фруктовыми отдушками, а духовного зловония от матерщины совершенно не чувствуют. И даже женщины.

Есть такое тропическое растение – скопелия. Его цветы – само совершенство формы и цвета. Но невероятно! От палево-оранжевых светящихся лепестков исходит запах гниющего разлагающегося мяса. Когда из прекрасных женских уст вылетает матерная брань, я всегда вспоминаю оранжерею, нежные восковые лепестки и страшное зловоние над ними. И опять недоумеваю, за-

чем было укладывать в модную прическу волосы, подбирать фасон и расцветку костюма, подправлять какие-то изъяны на лице, чтобы потом оттолкнуть от себя ураганом грязных слов? Речь наиболее ярко обнаруживает нас, позволяет окружающим увидеть наше истинное лицо. «Заговори, чтобы я увидел тебя», – это изречение принадлежит Сократу, мудрейшему из древних греков. Женщина с грубой лексикой может выглядеть привлекательно, только когда она молчит – как цветок скопелии за стеклом.

Обыденность и распространенность этого греха почти «узаконила» его. И мало кто из матерщинников задумывается, какая беда для общества и для каждого из нас заложена в матерной брани. Мистические корни этого явления уходят в глубокую языческую древность. Люди дохристианской эпохи, чтобы оградить свою жизнь от злобных нападков демонического мира, вступали с ним в контакт. Этот контакт мог быть двояким. Демона либо ублажали, превознося его и принося ему жертвы, либо пугали его. Так вот, пугали демона именно скверной бранью, демонстрацией своего непотребства. Подобное можно наблюдать в начале драки, когда противники, делая свирепые гримасы, кричат друг другу о своей жестокости, о своей гневливой неменяемости, о готовности позволить себе то или иное гнусное поведение. То есть каждый из них пытается придать себе в глазах другого как можно больше скверности. Для страха или от страха. Но и призывали

демона теми же словами, демонстрируя свою одержимость, свою готовность к общению с ним.

Таким образом, мат являлся средством «связи» с демоническими силами. Таковым он и остается. Его относят к инфернальной, то есть демонической, адской лексике. Через скверные слова человек сам отдает себя в руки беса, становится одержимым. Некоторые, наверное, знают, что избавиться от привычки матерной брани труднее, чем от курения. Годы и годы люди приходят с этим грехом на исповедь, пока, наконец, не освободятся от него.

В медицинской практике известно следующее явление: парализованный человек, у которого полностью отсутствует речь, не в силах выговорить ни «да» ни «нет», но может, тем не менее, совершенно свободно произносить целые выражения, состоящие из непечатной брани. Явление необычное, но встречающееся. Мне самому дважды доводилось сталкиваться с подобным, и вот каким образом.

Некоторое время назад мы с семьей снимали дом в деревне. Нашим соседом через улицу был парализованный мужчина. Почти недвижимый, он мог лишь слегка шевелить одной рукой. Каждый день родственники выносили его на деревенскую улицу и, подложив дощечку, укладывали на зеленой лужайке перед воротами или усаживали, прислонив к дереву. Что ж, дома, в четырех стенах, больному, конечно, было скучно... Как-то раз, стоя возле своей калитки, я вдруг

услышал громкую брань. Через несколько секунд она повторилась. Потом еще. Это было странно, так как местные жители вслух, громко, да еще рядом с духовным лицом не «выражались». Я оглянулся. Улица была пуста. Только больной сосед лежал на своей дощечке, выражение его лица было, как всегда, неопределенным. «Но ведь не послышалось же мне? От кого могла исходить эта брань?» – подумал я. Тут из калитки вышла жена. Она и объяснила, что паралитик часто произносит эту непристойную фразу. Причем только ее. Зато четко и внятно, как здоровый. Произносит с различными интонациями. Этой фразой он выражает просьбу, гнев, недовольство, жалобу. Ею же здоровается с проходящими и сообщает им о самочувствии. Когда ему что-нибудь нужно, он повторяет ее, не переставая, кричит, пока не услышат в доме. Позже мне не раз пришлось в этом убедиться.

Второй раз с похожим случаем я столкнулся также в сельской местности. Мне необходимо было узнать один адрес, и, чтобы навести справки, я постучал в дверь первого попавшегося дома. Изнутри послышался какой-то звук, и я, знакомый с деревенскими обычаями, без лишних церемоний переступил порог застекленной терраски. Немедленно раздалась громкая брань. Я оглянулся и, увидев человека, сидевшего в глубоком старом кресле в углу терраски, сделал шаг в его сторону, желая объяснить, что я не вор. Но тот опять выкрикнул непристойное выражение,

причем несколько раз подряд. При этом интонации его голоса вовсе не соответствовали словам. Было впечатление, что мужчина кого-то зовет. Долго раздумывать на эту тему мне не пришлось, так как на терраску вышла хозяйка. Она поздоровалась и сразу же принялась извиняться за мужнину брань: «Вы нас простите. Так уж вышло, что у него после инсульта вся речь отнялась, а эти слова остались. И теперь он только и может, что ругаться... Уж как мы измучились! И перед соседями стыдно...»

Странность такого явления говорит о многом. Получается, что так называемый мат «проходит» по совершенно иным нервным цепочкам, чем остальная речь. Не бес ли, используя греховный навык человека, оказывает ему такое «благоденствие», демонстрируя тем самым свою власть над частично омертвевшим телом? Что же будет после смерти? Власть демона станет полной и окончательной.

Одну девушку, после воцерковления, очень интересовала судьба ее умершей бабушки. Дело в том, что бабушка была верующей: ходила в церковь, молилась, постилась, и девушка была убеждена в том, что ее благочестивая бабушка находится в раю. Но ей хотелось удостовериться в существованиирая, поэтому девушка молилась и просила Господа как-то открыть ей, как там ее бабушка? Однажды бабушка приснилась ей и сказала, что находится в аду, потому что при жизни хотя и ходила в церковь, молилась и постилась, но часто ругалась скверными словами.

Незавидна судьба сквернослова, и Церковь предупреждает, что *злоречивые... Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). *...От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься*, – говорит Спаситель (Мф. 12, 37).

Святитель Григорий Двоеслов рассказывал историю, случившуюся в Риме.

«В нашем городе один человек, всем известный, имел сына лет пяти, которого очень любил и воспитывал без всякой строгости. Мальчик, которого все ублажали, привык произносить скверные бранные слова, и какая бы мысль ни приходила ему в голову, он тотчас же начинал по привычке злословить, бранил не только людей, но, случалось, дерзал хулить и, страшно сказать, Самого Бога, произнося хулы на святые предметы. А отец не запрещал ему говорить те хульные скверные слова. Во время моровой язвы, бывшей у нас за три года пред сим, мальчик тот разболелся к смерти, и когда отец держал его у себя на коленях, то, по рассказам лиц, которые там находились сами, пришли нечистые бесы взять окаянную душу мальчика. Мальчик, увидев их, затрепетал, закрыл глаза и стал кричать: “Батюшка, отыми меня от них! Отыми!” – и со страшным криком спрятал свое лицо за пазуху своего отца, стараясь как бы укрыть себя. Отец, глядя на малютку, как он трепетал, спросил: “Что ты видишь?” Мальчик отвечал: “Пришли черные люди, хотят меня взять...” – и, сказав сие, стал произносить скверные и богохульные речи, к которым привык, – и тут же умер».

Сквернослов не только свою душу отдает во власть бесов, но влияет и на состояние души окружающих его людей и даже на их здоровье. Всякое слово несет в себе информацию, которая воздействует на наше сознание, формирует и изменяет его. В лучшую ли сторону преобразует его скверная брань? Однажды услышанное слово живет в нас до конца жизни. Анестезиологи рассказывают, что под наркозом, когда ослабевает воля, человек, никогда не употреблявший скверных слов, случается, скажет что-либо из когда-то услышанной брани.

Как уже было сказано, брань деструктивна и в отношении нашего здоровья. Произнесенное или услышанное бранное слово оказывает на нас действие, сопоставимое с легким сотрясением мозга. У писателя Фазиля Искандера упоминается случай, когда здоровый и сильный мужчина, услышав матерную брань, бледнеет и падает в обморок. «Не могу привыкнуть», – смущенно говорит он.

Один мой приятель, молодой человек, по своему воспитанию, относился к матерщине неприязненно, но не замечал за собой какой-нибудь особенной реакции на нее. Когда же он стал ходить в церковь, молиться, исповедоваться и причащаться, то изменилась и его реакция на скверные слова. Как-то раз, Великим постом, он пошел в баню. Для него, как и для многих русских людей, баня всегда была большим удовольствием. Но в тот раз ему не повезло: рядом с ним двое не-

знакомцев горячо что-то обсуждали и беспрестанно сквернословили. Не ссорились, а так, проходя, пересыпали свою речь матерными словами. Сначала молодой человек почувствовал себя неудобно, потом его стало слегка подташнивать, а потом, как он рассказывал, он почти потерял сознание. Перед глазами у него все поплыло, и он чуть не «грохнулся» на каменный пол. Понятно, ведь с церковной жизнью у него изменилось и окружение. Сквернословия рядом с собой он давно не слышал, потому его организм так и откликнулся на грязные слова – тошнотой и головокружением. Неприятное впечатление было настолько сильным, что от удовольствия попариться ему на некоторое время пришлось отказаться.

Разрушая юношескую стыдливость и возбуждая нечистые пожелания, сквернословие моет дорогу к разврату. Целомудрие и чистота не смогут ужиться со скверными словами. Дети, не довольствуясь отвлеченными звуками, обязательно будут стремиться узнать значение услышанного. Растление *малых сих* будет лежать на совести сквернослова. *Горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7), – предостерегает Спаситель.

Сквернословие заглушает, притупляет чувство стыда не только у детей, но и у взрослых. Стыдливость же, как говорит святитель Иоанн Златоуст, «Бог вложил в природу нашу», чтобы она предохраняла нас от греха. Ту же мысль находим и у святителя Григория Нисского: «Великим

и сильным оружием к избежанию греха служит обыкновенно хранящийся в людях стыд, для того, думаю, и вложенный в нас Богом, чтобы такое расположение души производило в нас отвращение от худшего». По мнению святителя Димитрия Ростовского, «наибольший стыд происходит от обнажения наготы телесной». Матерная брань, символизируя такое обнажение, заставляет преодолеть этот наивысший градус стыда, разрушая защитную стену стыдливости и повергая человека в бесстыдство. Ведь «презрение стыда есть бесстыдство» (святитель Григорий Богослов). Там же, где бесстыдство, – нет Бога.

Неустойчив, хрупок мир в семье сквернословя. Брань возбуждает и раздражает человека. Но самое большое несчастье в такой семье – это судьбы детей. Дети, слыша грязную речь, сами приучаются сквернословить. Умственное развитие таких детей заторможено. Чем раньше внимание ребенка обратится к половой сфере, тем более в таком низменном и примитивном отображении, тем медленнее будет идти его духовное и умственное развитие. Есть наблюдение, что у таких детей замедляется и рост, и в итоге они не дотягивают до заложенного в них природой.

Те родители, которые не стесняются в выражениях, должны помнить, что сквернословие, уничтожая в ребенке чувство стыда, является мостиком к последующим преступлениям. Ведь изгоняя из дома стыд, эти родители изгоняют и лучшего воспитателя. «Ибо стыд часто больше

страха обучал избегать дел несообразных» (святитель Григорий Нисский). Пусть они не ищут потом виноватых, в случае несчастья с сыном или дочерью, – они сами запланировали его.

В воспоминаниях преподобномученика архимандрита Кронида (Любимова) описан следующий случай:

«Лет двадцать назад, когда я был еще в обители Преподобного Сергия, пришел помолиться преподобному Сергию, угоднику Божию, крестьянин Иаков, прихожанин храма той местности, где я родился, и зашел ко мне. Видя необыкновенную грусть на лице его, я спросил о причине его грусти, и он поведал мне следующее: “У меня есть сын, младенец лет шести, который привык к такому ужасному пороку срамословия и ругани матерным словом, от которой даже я, мужчина, прихожу в смущение и ужас. Пробовал было наказывать, после наказания бросал в подпол, но все это не помогает, мой сын хуже озлобляется и с таким ожесточением произносит ругань, что даже чернеет в лице, и тогда страшно бывает смотреть на него”. Ясно, что к душе малютки приразился диявол и понуждает его к сквернословию. Я спросил отца, откуда же малютка мог научиться такому ужасному сквернословию? Тогда крестьянин сознался, что причина сего – он сам. “Я, – сказал он, – имею эту привычку сквернословия, когда бываю в нетрезвом виде. Вот о сем-то я больше всего и скорблю, что сам насеял эти погибельные плевелы в душе невинного ребенка”.

Видя его смущение душевное и слезы, жаль мне было от всей души сего страдальца, но помочь ему в горе я ничем не мог, кроме искреннего сердечного слова утешения. И вместе с тем посоветовал ему всю скорбь души своей излить пред мощами Преподобного Сергия и, как живому, поведать тому печаль своего сердца, и просить его дивной помощи себе и страждущему погибельным недугом малютке. Через год после сего свидания с Иаковом я виделся с ним на родине и спросил о малютке. Слезы обильной струей потекли из очей Иакова при вопросе о сыне. Успокоившись, он сказал мне: «Дивен Бог во святых Своих. Молитвами и предстательством Преподобного Сергия малютка мой за последнее время совсем перестал сквернословить, да и сам я теперь, благодарение Богу, водки уже не пью»».

Нередко люди, подверженные греху сквернословия, чтобы как-то оправдать себя в глазах окружающих, говорят, что к сквернословию их вынуждает среда или что они не получили в детстве правильного воспитания. Приведу такой пример. У нас на приходе работала одна женщина, помогала готовить. Она всегда приводила с собой маленькую внучку. Приготовит обед, накормит всех, потом уберет посуду, помоем полы, а домой не идет. Все ищет, что бы еще сделать. Ей, бывало, говорят: «Да иди ты домой. Не мучай ребенка». А она улыбается виновато, а домой все равно не идет. Сама-то она не жаловалась, а знакомые потом рассказали, что дома у нее –

настоящий ад. Все ее близкие: муж, сын и дочь – постоянно пьют. Каждый день в квартире – пьяные компании, крики, скандалы и, конечно, все матом. Внучка ее, можно сказать, зачата, родилась и растет среди постоянной матерщины. Для малышки отказаться от матерных слов, все равно, как от части себя. От руки, или от ноги, или от собственной кожи. Всего-то один или два раза в неделю бабушка приводила ее в церковь. Но через какое-то время девочка не только перестала произносить грязные слова, но и других детишек, не сдерживавших свой язык на церковном дворе (речь, конечно, не о мате, а просто о грубых словах), останавливала: «Нельзя так говорить, ты ведь причащаешься». Малышка сделала свой выбор, хотя она живет все в той же тяжелой атмосфере.

Раньше матерную брань называли еще «солдатскими» словами, потому что сквернословие было большей частью распространено в солдатской среде. Между людьми, на двадцать пять лет оторванными от семей, общения с близкими, привычной крестьянской работы, родных мест, – людьми, отчаявшимися в своем будущем. Позже язва сквернословия поразила и рабочую среду, сформировавшуюся почти в таких же отчаянных обстоятельствах: без семей, вне привычных отношений – люди жили сегодняшним днем. Все это были люди, с точки зрения основного населения, «несчастненькие», попавшие в тяжелые обстоятельства. Их жалели, но тех, кто перенимал их дурные привычки, осуждали.

Наверное, это в советское время появился тип начальника-«демократа», демонстрирующего свою «близость» к народу через употребление крепких слов. Появилось даже выражение: «сказать крепко, по-русски». Хорошо бы знать, что матерные слова в большинстве своем – отнюдь не русского происхождения. Русский же человек, хотя бы в своих идеалах, всегда отличался целомудрием. Эти целомудрие и стыдливость отразились в национальной одежде и быте, удивлявшем иностранцев строгостью и чистотой нравов. При благочестивых царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за сквернословие полагалось телесное наказание. По рынкам и площадям ходили переодетые чиновники, хватали матерщинников и тут же, на месте, чтобы другим неповадно было, наказывали их розгами.

Удивительно, что сегодня многие образованные люди считают нормальным невзначай этак «тонко, интеллигентно» выругаться, возможно, желая подчеркнуть таким образом «широту» своих взглядов. Так и просится на язык Достоевский: «Широк русский человек, хорошо бы сузить». А между тем на них лежит огромная ответственность. В России к образованным людям всегда относились с уважением. Образованный человек именовался личным почетным гражданином. Университетское образование приравнивалось к офицерскому званию и позволяло обладателю пользоваться правами личного дво-

рянства. Знание почиталось. Глядя на образованного человека, простые люди как бы говорили себе: «Мы по темноте своей можем впасть во многие грехи и ошибки, но он-то знает, где свет, он человек грамотный».

Образование помогает человеку воссоздать в себе образ Божий. Именно понятие «воссоздание образа Божия» и отражает слово «образование». Поэтому грязная ругань из уст интеллигента особенно недопустима! *От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут* (Лк. 12, 48).

Кто-то может сказать, что для них сквернословие – не сознательная брань, что грязные слова они произносят механически, не вникая в их смысл. Появилась даже некая «мягкая» форма сквернословия, когда матерные слова заменяются другими, но находятся во фразе на привычных местах. Некоторые даже спрашивают, допустима ли такая замена? (Хорошо еще, если спрашивают, а не утверждают.) Мне сразу вспоминается вопрос Любочки из «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина: «Маменька, под какое декольте шею мыть? Под большое или под малое?» Шею нужно мыть, чтобы она была чистой, а от сквернословия в любой форме следует отказаться совсем и окончательно. Мы не можем отнести слова-«заменители» к обычным словам-паразитам, засоряющим речь. Разве что – приравняв их к энцефалитным клещам. Ведь сущность сказанного проглядывает и сквозь завесу.

Так никого не оставляет в неведении «пищалка», прикрывающая теле- и радиоматерщину.

«Народ» по-славянски – «язык». Язык народа – это то, что создает и объединяет народ. И характеризует его. Немецкий философ и лингвист В. Гумбольдт ставил формирование и развитие национального характера, культуры и быта в прямую зависимость от языка народа. Язык, несомненно, оказывает влияние и на исторический путь народа. Так можем ли мы столь легкомысленно с ним обращаться?

Древние демонические культы Ближнего Востока, от которых мы унаследовали большинство матерных слов, использовали их в ритуальных действиях, сопровождавших человеческие жертвоприношения. И как раньше таким образом призывали демонов, так и сегодня человек, произносящий эти слова, призывает на свою голову беса. Вопрос о допустимости мата – это вопрос веры. Для православного человека достаточно сознания того, что Господь не любит этих скверных слов. Примером тому можно привести одно из посмертных чудес святого праведного Симеона Верхотурского, случай, вошедший в его жития.

«В 1711 году, в апреле месяце, один монастырский старец, по имени Иаков, внимательно слушал Божественную литургию и старался отрешиться мыслию от всего земного. Тихо стоял он в молитвенном умилении. Вдруг, при возгласе “Со страхом Божиим и верою приступите”, он

упал ниц и лежал долгое время без чувств. Когда же он пришел в себя, то рассказал следующее.

При взгляде на образ Пресвятой Богородицы, именуемый “Одигитрия”, его вдруг объял страх. Что с ним дальше было – он не помнит, лишь помнит одно, как предстал пред ним праведный Симеон и, прикоснувшись к нему, сказал: “Встань, пойд и объяви всем, чтобы воздерживались от сквернословия и от слов бранных, иначе Господь пошлет на людей и на скот их голод и мор. Пусть все усердно молятся Господу, Его Пречистой Матери и всем святым, пусть весь народ отслужит молебное пение об отвращении гнева Божия”.

Кроме того, праведный Симеон приказал Иакову рассказать о сем архимандриту и воеводе, дабы люди раскаялись в своих прегрешениях и молились бы об избавлении от праведного гнева Божия, что и было исполнено всеми с величайшим усердием».

Нам только кажется, что сегодня мы сильны и независимы со своим научно-техническим прогрессом. Что способны строить свое благополучие исключительно по своему желанию. Но что мы можем, если Господь за наше нечестие не даст нам Своей благодати, не благословит наши труды? От нашей, как нам кажется, небольшой, слабости страдает вся наша жизнь. И личная, и семейная, и государственная. Поэтому, устраивая эту жизнь, прежде всего послушаемся голоса Церкви, говорящей нам через апостола Павла: *Отложите... сквернословие уст ваших* (Кол. 3, 8).

Впрочем, чем более молитв, священных и духовных текстов произносит и читает человек, тем проще и естественнее ему бывает отказаться от грубых слов. Потому что, как говорит Апостол, не может (не должно) из одних уст исходить благословение и проклятие, *как один источник не может изливать соленую и сладкую воду* (Иак. 3, 12).

Вениамин (Новик), игумен

АНТИСЛОВО

Слухи о смерти диалектического материализма в нашем Отечестве оказались, как говорится, явно преувеличенными. Он жив, да еще как! И теперь свое возьмет, не через Идеологический отдел ЦК почившей КПСС, а иначе – на бытовом уровне народного самосознания, или, точнее говоря, стихийной бессознательности. Связь диамата с матом не только этимологическая, но и глубинная, биологическая и даже философская: материализм есть методологическая редукция высшего к низшему, человека – к обезьяне.

Сквернословие осуждалось еще в языческие времена античности. Аристотель писал: «Законодатель должен удалять из государства сквернословие, потому что из привычки сквернословить развивается и склонность к совершению дурных поступков». А какие же у нас теперь времена, если сквернословие стало нормой? У нас в России даже с подмостков самых больших театров сквернословить модно <...>.

Протоиерей Сергей Булгаков писал: «Большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание всяческого материнства:

и в церковном, и в историческом отношении. Надо считаться с силою слова, мистическою и даже заклинательною. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией...»

Вячеслав Иванов в своей статье «Наш язык» пишет: «Язык есть одновременно дело и действенная сила, соборная среда, совокупно всеми непрерывно творимая и вместе предваряющая и обуславливающая всякое творческое действие в колыбели его замысла; антиномическое совмещение свободы и необходимости, божественного и человеческого; создание духа народного и Божий дар народу».

Церковь боролась со сквернословием с древнейших времен.

Вот что писал святитель Иоанн Златоуст: «Хочешь ли знать, сколь великое зло – говорить срамное и постыдное? <...> Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие <...>. Ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как дурные слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающийся от таких слов злой пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною».

Эксперимент последовательного материализма как идеологии в нашей стране достаточно убедительно доказал: не вульгарного материализма

не бывает. Мат стал повсеместным и громким именно в коммунистический период, получив на то «научную санкцию» в формуле: в основе всего – материя!

Теперь же, когда первая оторопь от развала страны и реформ прошла, наметилось даже некоторое, все более набирающее силу, движение в защиту мата. Мол, не дадим в обиду народный язык! Постоянно находятся защитники матерщины со стороны якобы науки (тяжелое наследие материализма продолжает сказываться). Оказывается, матерные слова, как убеждают они нас, когда-то несли в себе совсем другой смысл. Это были табуированные в язычестве термины, что было обусловлено мистико-религиозным мировосприятием и связанным с ним понятием запретного.

Это похоже на правду. Действительно, мат – это архаика. Срамословие присуще всем временам, странам и народам. Порок этот есть наследие чисто языческое. Он всецело коренится в фаллических культах Древнего Востока, исходя из глубин сатанинских (см.: Откр. 2, 24) и темных бездн разврата в честь Ваала, Астарты и прочих, кончая классическими наследниками библейского Хама. «Скверные выражения суть на самом деле магические формулы, обращенные к срамным демонам. Тем самым привлекаются гнуснейшие бесы, приносится противоестественная словесная жертва», – писал святитель Иоанн Златоуст.

Постепенно, в результате массовой атеизации населения, которую завершил небезызвестный диамат, со всякими тайнами было покончено. Мат по-простецки зазвучал в полную силу везде, где можно и нельзя. Наступила эпоха уже не ограниченного ничем матореализма (выражение А. Зиновьева), то есть легализированного «научной» бесстыдства. Вспоминаются слова Ф.М. Достоевского, что ничем так нельзя увлечь русский народ, как открытым (научно доказанным) правом на бесчестие.

Если это так, то нам следовало бы не науку под факты подгонять и эти факты таким образом оправдывать, а все же задуматься об этической стороне дела, о проблеме «должного» и «недолжного», так сказать.

«Наука» сделала еще одно «великое открытие», доверительно сообщают нам новоявленные апологеты мата: оказывается, ругань вообще полезна, так как в наше трудное время она помогает человеку эмоционально разрядиться. Появилось совсем незатейливое оправдание сквернословия: если из тебя что-то прет, то вредно это в себе удерживать. Такова, мол, диалектика жизни. Диамат, так сказать, в действии.

Апологетам мата почему-то не приходит в голову простой и совсем не научный вопрос: почему таким образом осуществляемая «эмоциональная разрядка» должна происходить за счет других людей, вынужденных принимать в свои души эту мерзость? Матерщиннику же, как заме-

чено, непременно нужно, чтобы кто-нибудь его слышал. Так что неплохо бы, опять же с «научной точки зрения», поинтересоваться мнением слушателей. Ну как, мол, у вас при этом дела с адреналином? Может быть, еще добавить? Всем ли нравится кушать отходы чужой злости?

Сквернословие, к большому сожалению, не так уж безобидно. Существует прямая связь между жалким состоянием нашей экономики, повсеместным воровством, всеобщей расхлябанностью, хамством, жутким состоянием мест общего пользования и повсеместной матерщиной, самой что ни на есть тупой, безобразной и совсем не «к месту», когда небезызвестный «артикуль» добавляется к каждому слову.

Подобное, как известно, тянется к подобному, и свинство в душах порождает свинство внешнее. М. Хайдеггер называл язык «домом бытия». Каков язык – таков и дом. Наша страна является хорошей иллюстрацией к этому высказыванию. А каков наш дом, особенно наши подъезды, – мы хорошо знаем.

Матерная ругань – это прежде всего симптом недоразвитости. Биологи знают, что в животном мире существует ярко выраженная связь между агрессивностью и сексуальностью.

С духовной точки зрения мат – это всегда этическое занижение, путь к вульгарному материализму и его этическому следствию – цинизму.

Каков человек, такова его речь.

Сократ

Об этом хорошо сказал А. Зиновьев в «Зияющих высотах»: «Матореализм есть высшая стадия материализма в додиаматный период». Учите, учитесь, заигрывающие с матом интеллигентные дамы и господа, легко запомнить! Пора бы сделать выводы, но нет – находятся даже эстетствующие матерщинники.

Интересно, что расплодившиеся у нас фонды всяческих «духовных безопасностей», «духовных защит» и «духовных возрождений» свои главные усилия направляют на борьбу с «сектами», со всяческими «ненашими», считая, видимо, матерщину безопасной для национальной идентичности. Но им, правозащитникам, надо напомнить, что там, где сквернословие стало бытовым способом выражения, никогда не будет выполнена первая статья Конституции РФ, так как правовое государство, провозглашенное в ней, не совместимо с хамством.

В начале было Слово... (Ин. 1, 1). Христианство – это не просто религия, которая учит о Боге как о Творце. Христианство – это религия смысла и Слова, воплощенного, изреченного, то есть звучащего. Сам Бог именуется Словом, Логосом (см.: Ин. 1, 1). Нечувствительность к качеству звучащего слова означает полное непонимание и неприятие христианства. А ведь теперь у нас почти все бытовые матерщинники... – крещенные люди. Апостол Павел назидал христиан: *сквернословие... не прилично вам*, приравнивая сквернословие к смертному греху (см.: Еф. 5, 4–5). Ну да кто у нас его читал?!

Слово – это то, что отличает человека от животного. Матерное антислово делает человека намного хуже животного, которое никогда не сквернословит. Все важное начинается в духовно-словесной сфере, как доброе, так и злое, поэтому матерщина должна считаться тяжким преступлением против Бога и общества.

Святые Отцы учили бороться с дурными эмоциями не путем излияния их на других людей, а путем недопущения зла внутрь своей души. Люди ответственны за те яды, которые в них вырабатываются.

Вообще говоря, с религиозной точки зрения картина мира выглядит совсем иначе, чем это представляется с позиций все еще «вечно живого диамата». Любой злой поступок, как и злое слово, никак не может способствовать увеличению добра ни в нашем мире, ни в душе человека. Злое матерное слово как бы создает вокруг себя темное пространство, привлекает бесовские силы. Люди, совершившие преступления, часто сами не понимают, как они его совершили. Не понимают именно потому, что преступление было совершено в состоянии одержимости злыми силами.

От злых слов люди никогда не получают ожидаемой разрядки, а обычно переходят непосредственно к злым поступкам, в полном соответствии с законом психологии. Да разве и само произнесенное слово – это уже не поступок?*

* *Вениамин (Новик), игумен // Русский Дом. 2006. № 9. С. 46–47.*

Афанасий Гумеров, священник

В чем грех сквернословия?

Слово (Логос) – второе Лицо Пресвятой Троицы. Человек, имея образ Божий, наделен даром слова в образ безначального Слова. По замыслу Творца человеку дано слово прежде всего для молитвенного обращения к Своему Небесному Родителю, общения с людьми на началах любви и мира, а также для реализации своих творческих талантов. Человек, который сквернословит, использует этот особый дар для проявления своей внутренней нечистоты, изливает через него из себя грязь. Этим он оскверняет в себе образ Божий. Поэтому святая Библия ставит сквернословие в один ряд с другими тяжкими грехами: *А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших* (Кол. 3, 8).

Святые апостолы обличают грехи, которые люди совершают через слово: *язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны* (Иак. 3, 6); *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших* (Еф. 4, 29). Святой праведный

Иоанн Кронштадтский говорит об этом грехе с болью: «Что у нас пользуется меньшим уважением как слово? Что у нас изменчивее как слово? Что мы бросаем подобно грязи поминутно как не слово? – О, окаянные мы человеки! С какой драгоценностью так мы обходимся невнимательно! Не вспоминаем мы, что словом, происходящим от верующего и любящего сердца, мы можем творить чудеса жизни для души своей и для душ других, например на молитве, при Богослужении, в проповедях, при совершении Таинств! Христианин! дорожи каждым словом, будь внимателен к каждому слову; будь тверд в слове; будь доверчив к слову Божию и слову святых человеков, как к слову жизни. Помни, что слово – начало жизни»*.

Надо помнить великую значимость слова. Однажды произнесенное, оно уже не исчезает, а уходит в бесконечную память Божию и на Суде нам будет предъявлено.

Что произошло с нами? Почему так явно открылась в последнее время духовная, нравственная и культурная деградация нашего больного общества? Раньше срамословие было языком преступников, блудниц и вообще людей опустившихся. Сейчас все это слышится на телевидении и радио, звучит в кинотеатрах, свободно произносится в присутствии людей на улице. Дети, как губки, вбирают в себя этот яд. **Есть много свидетельств, что сквернословие – язык демонов <...>.**

* Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М., 2002. С. 212.

Александр Половинкин, священник

О сквернословии и не только

В словаре Владимира Даля сказано: «Сквернословить – вести непристойные, зазорные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться».

Язык – это душа народа, основа его культуры и Божиего Духа в нем.

Употребляемые скверные слова разрушают и уничтожают главное богатство народа – наш родной язык, культуру и чистоту нравственного поведения.

Скверные слова содержат и передают сатанинскую энергию зла, которая вызывает болезни у человека и может убить его.

«Язык – мышление – дух» – эта связь есть основа саморазвития любой нации, ее культуры и традиций. Все открытия и достижения потенциально заложены в этой связи. Язык – это словесная модель мира нации.

«В современном русском языке заложены нашими предками истинные огромные богатства – сокровенные знания о человеке, природе, истории, культуре наших предков, об уникальных методах и технологиях усвоения и творческой переработ-

ки информации управления системами и процессами своего организма, управления силами и средствами природы, преобразования элементов и живых объектов, в том числе и человека, и многое другое» (Корабельников А.А. «Год чтения по-русски»).

В последнее время наш родной прекрасный русский язык – основа нашей жизни – все более загрязняется и искажается, опошляется, профанируется, уродуется вроде бы культурными и образованными людьми, как написал неизвестный поэт, горячо любящий Россию:

О бедный мой язык родной,
О прелесть русской речи чистой!
Кто ни глумился над тобой:
Шпана, чиновники, лингвисты,
Кто бедолагу ни ломал,
Ни выворачивал, ни мучил:
«Облэгчить, начать, взад, принял,
Средствá, осужденный, подключил»...
Ну, ладно б жулик, или вор,
Иль алкаши и наркоманы –
Но педагог, но прокурор,
Но дикторы с телеэкрана!..

Искажение ударений и звучания родных слов – это еще полбеды. Гораздо хуже то, что родной русский язык усиленно вытесняется примитивным англосаксонским «новоязом», словоподобными формами чуждого звучания с далеко не равнозначным смыслом.

Если человек не имеет веры в свой язык, если родной язык для него не святыня, он не имеет

веры и в свою культуру, историю, в будущее своего народа. Смена языка для народа – это катастрофа.

Если происходят манипуляции мышлением, то они обязательно отражаются и в языке, а это неизбежно влечет за собой духовно-культурный упадок нации. Например, если изъять церковнославянский язык из Русской Православной Церкви и заменить его современным русским языком (как настойчиво предлагают современные обновленцы), то мы получим необратимые мутации в русском православном сознании, упадок нравственно-духовного состояния русского человека.

Как известно, основой национального языка является его письменность. Письменность – это языковой код нации. Вмешаться в письменность путем ее «реформирования» значит вторгнуться в самые глубинные недра нации – в ее интеллектуально-духовную психосферу. Смена графики письма также означает, что следующее поколение, как правило, лишается возможности читать старые тексты. (Уже сейчас, когда предлагаешь кому-нибудь интересный дореволюционный текст, нередко ответы: ой, тяжело, тут с ятями!..)

А.С. Пушкин называл орфографию «геральдикой письма». Каноны письменности, ее сокровища всегда хранит национальная элита. Языковой код защищается аристократией от тех, кто не имеет духовно-культурных связей с данной нацией, не составляет с ней единое целое. Поэ-

тому если удастся внедриться в язык и манипулировать им, то уничтожается аристократический дух языка и подменяется так называемой демократичностью. Эта демократичность влечет за собой духовную пустоту в языке и изгоняет из языка истину, то есть Бога.

«Реформы» письменности в России начались при Петре I, который иногда весьма оригинально «стоял на страже» русских православных традиций и русской самобытности (взять хотя бы трагикомичную эпопею с бородами), что было следствием его отчасти прозападного воспитания, отчасти оторванности от «почвы».

Следующим важным этапом в истории русского языка (и необходимым следствием всех предыдущих отклонений) стал 1917 год, когда к власти в России пришли большевики. Сегодня уже понятно, что это были беспочвенники, которые не имели никакой историко-культурной привязанности к Русской земле, никакого духовно-нравственного единения с русским народом.

5 января 1918 года вступил в силу декрет Совнаркома «О введении новой орфографии», хотя научные дискуссии по поводу возможной «реформы» русского языка начались еще в 1905–1907 годах, то есть в период зарождения первой революционной волны. И тогда, кстати, хранителем чистоты русского языка выступил сам Император Николай II, который весьма отрицательно реагировал на необоснованное употребление иностранных слов: «Русский язык так богат, –

говорил он, – что позволяет во всех случаях заменять иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка».

Переход к новым правилам оказался совсем не таким, как задумывали разрабатывавшие их ученые. Они считали, что внедрение нового правописания должно быть безболезненным и занять немало лет, но новая безбожная власть поставила вопрос ребром: «Кто пишет по-старому, тот контрреволюционер».

Итак, каким же предстал русский язык после этих «реформ»?

Весь русский алфавит был упразднен: наполненный смыслом понятийно-ассоциативный ряд: аз, буки, веди, глагол, добро – заменили безобразной, бессвязной цепочкой: а, бэ, вэ, гэ, дэ...

Потеряв доступ к первоначальным образам и представлениям о том, кто такой аз, что такое буки, веди и т. д., русский народ лишился естественной языковой образности словаря, тысячами воспроизводившего мудрость и единство народа. Если до принятия христианства в идеальных образах русского алфавита жили дух наших предков-арийцев и связь поколений, то после принятия христианства Киевской Русью русская азбука обрела новый религиозный смысл. «Азбука», «аз-бука» значит: «Я есть слово». Вспомним Евангелие: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1, 1). «Азбука» – это, в своем роде, светское толкование Нового Заве-

та. В ней воспроизведен важный понятийный ряд: «Аз, буки, веди, глаголи, добро, есть, живете» – как бы карта христианского пути: «Я знаю буквы, чтобы творить добро. Это и есть жизнь».

Таким образом, если до большевистской «реформы» наша самобытная русская азбука была логично привязана к нашей естественной, нравственно-культурной психосфере и поэтому не было необходимости в механическом запоминании, – то новый «реформированный» алфавит подталкивал к механическому заучиванию бессмысленных звуков, никак не связанных между собою. Русской азбуке навязывался формализм, а русскому школьнику – принцип талмудического зазубривания.

«Реформация» внешней стороны русского языка – алфавита – незамедлительно привела к «перекройке» и внутренней, смысло-содержательной стороны языковой структуры. После 1918 года русский язык наводнили термины и производные терминоиды большевистской идеологии. На фоне внедрения в русский язык этих новых слов появилось и огромное количество аббревиатур (сокращений, употребляемых в письме и устной речи): совпромторг, моссельпром, сельхозпродмаг, учпедгиз, главнаука, наркомпрос, губнаробраз и многие другие. Появились странные, дико звучащие имена: Владлен, Марлен, Вилен, Рэм, Мэлор, Вилор, Виль, Сталь, Сталина, Ленор, Рой, Ким, Бебелина, Пестелина, Маузерина...

Все эти и им подобные уродливые наросты на нашем языке появились сразу же после воцарения безбожной власти. Искажение русского языка – это одно из свидетельств позорного отпадения русского человека от Бога.

Вообще, надо сказать, русский язык за последние триста лет испытал множество враждебных атак и наскоков, начиная с реформ Петра I. Этот период характерен обмирщением языка, насыщением его понятиями чисто светскими, очень часто – заимствованными за границей.

Первая половина XIX века отмечена франкоманией, англomанией, масонством. Вторая половина сильно окрашена нигилизмом, нарастающим безбожием, веянием революции. И все это – несмотря на мощный расцвет в это же время великой русской литературы!

Начало XX века – декаданс, упаднические изыски, затем волна революции, ломка русского языка под дулом маузера, дальше – накат суконного слога партийных директив и собраний, распространение «канцелярита».

Конец XX столетия – шквал рыночно-убогих западных терминов: ваучер, шоп, бутик, дефолт, провайдер, чартер, ноу-хау, имидж, шоу <...>. Во всех этих случаях вполне можно было обойтись исторически русскими словами.

За свою многовековую историю русский язык никогда не испытывал таких значительных (и таких губительных!) преобразований, как в XX столетии. Это напрямую связано с коренными

политическими, экономическими и культурными изменениями, которые происходили в государстве, ведь именно в XX веке Россия пережила два крупных потрясения: переворот 1917 года и «перестройку» 90-х годов.

В результате революции появилось мощное тоталитарное государство СССР со всеми характерными для него атрибутами. Советский образ жизни породил и советское мышление, и соответствующий ему язык. Однако и при обилии всех партийных идеологем это был еще далеко не худший вариант русского языка. Советская идеология из всего богатства русской литературы поставила на первое место, конечно, произведения революционно-социального и протестного звучания (Герцен, Белинский, Чернышевский, Горький). Но и на почетном «втором» месте все же остались чудесные творения, воспитывающие патриотизм, любовь к родной природе, культуре, языку, истории (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Чехов, Л. Толстой и многие другие). И советская литература, продолжая лучшие традиции русской классической, старалась сохранять русский язык в целостности (М. Шолохов, А. Толстой, К. Паустовский, К. Симонов и многие другие). Старшее поколение хорошо помнит великолепные радиопостановки русской и советской классики; многие артисты, певцы, работники культуры, дикторы радио и телевидения 60–70-х годов служили образцом правильной русской речи.

После Второй мировой войны и Великой Победы России над фашизмом русский язык стали воспринимать как язык великой державы, как один из самых информативных языков... Однако врагов России – и внешних, и внутренних – все это не устраивало. «Перестройка» привела к распаду СССР, демократизации общества.

С приходом к власти «демократов» сразу началось очередное наступление на русский язык, самое, пожалуй, страшное из всех до того бывших. Дремавшие в людях пороки: стяжательство, формализм, жестокость – вылезли наружу и расцвели пышным цветом. Какой там долг перед Родиной, когда вдруг подфартило хапать и хапать! Идеология, не сдерживаемая ни верой, ни партией, в одночасье поменялась: все, что не запрещено законом, – разрешено, а законы мы пишем сами, да еще по коварной подсказке с Запада (вспомним доктрину Даллеса!).

И на авансцену российской истории нагло вылезли «его величество капитал» и «его величество криминал» – два близнеца-брата. Соответственно – и проплаченные ими либерально-демократические средства массовой информации.

И язык тут же отреагировал: стал чуть ли не наполовину воровской «феней», обильно насыщенной иностранщиной и матом. Уже и по радио, и с телеэкрана посыпались на нас многочисленные: «мочить», «хавать», «разборка», «бабки», «стрелка», «крыша», «достал» и так далее и тому подобное. А деятели «от культуры», вроде М. Швыдкого,

стали с пеной у рта доказывать, что сквернословие – неотъемлемый элемент языка. Очевидно, их языка.

Из радио ушли старые, «классические» дикторы с правильной русской речью, поставленным голосом, верными интонациями. Вместо них эфир заполнили суетливые картавые и шепелявые текстовки на какой-то смеси одесского жаргона и иностранных искаженных заимствований. В свою очередь, радио потеснил телевизор.

Этот процесс, сопряженный с прямым глумлением и издевательством над традициями русского языка, ускорился в наши дни, когда вседозволенность выражений, матерный лексикон, засилье иностранной терминологии стали делом обыденным и даже привлекательным и престижным. Особенно усердствуют в этом телевидение и периодические издания, авторы которых словно соревнуются в степени хулиганского обращения с русским языком.

Разговоры наших школьников свелись практически к трем «универсальным» понятиям: «короче», «блин» и «прикол» – не за горами уже переход к двум: «ку» и «кю» (по фильму «Кин-дза-дза»). Эллочке-людоедке впору кусать локти от зависти!

Если будешь помнитъ сказанное в Писании: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Мф. 12, 37), – то поймешь, что лучше молчать, чем говорить.

Преподобный Пимен Великий

Уже можно со скорбью отметить, что из народной массы ушло традиционное устное семейное чтение по вечерам, имеющее огромное значение в воспитании детей и укреплении семьи. Навык писать письма фактически утрачен, потому что его вытеснила техника: вездесущий телефон – и стационарный, и мобильный, а также Интернет. А если исчезает навык читать и писать, значит, уходит прилежание, усидчивость, словотворчество, сокращается словарный запас, обедняется речь.

С одной стороны, русский язык недопустимо урезается, становится примитивным, схематичным, бедным и пошлым. Большой массив чисто русских понятий забыт и вытеснен иностранными словами, в результате чего язык становится уже и не совсем русским.

С другой стороны, привычные нам русские понятия умышленно заменяются иноземными с неопределенным смыслом и сниженной или завуалированной нравственной окраской. Например, встреча именуется «саммитом», согласие – «консенсусом», блудница – «путаной». Извращения и содомиты ласково называются людьми «с нестандартной сексуальной ориентацией», причем эта «ориентация», оказывается, тоже имеет «права» и крикливо заявляет о них! «Будучи лишено русских корней, слово лишается смысла, действующего на душу человека. Достаточно сравнить современное “бесчувственное” словечко *киллер* с разящими наотмашь – *убийца* и *душегуб*»*.

* См.: *Ирзабеков Василий (Фазиль)*. Тайна русского слова. Даниловский благовестник. М., 2007. С. 25.

Вот куда направлен главный удар – на русский корнеслов! Из слова вынимается его корень, сердцевина, его смысл и сакральная (духовная) сущность. Человек, говорящий на таком «обезглавленном» языке, духовно не развивается, а скользит по поверхности и деградирует. А если человек не имеет любви к своему языку, если родной язык для него не святыня, он не имеет веры ни в свою культуру, ни в будущее своего народа.

Вся реклама, наименования, вывески работают в этом же направлении. И если классический русский язык противится этому (а он, действительно, по сути своей этому противится) – то его просто и нагло вытесняет «новояз», снимающий моральные запреты и проблемы.

Появилось огромное количество рекламных вывесок со словами, написанными латиницей, иностранными словами на кириллице, надписи вперемешку русскими и латинскими буквами, вывески только на иностранных языках. Каждый день человек неосознанно впитывает в себя эту языковую какофонию, пробегая глазами по рекламным вывескам, «фотографируя» их и занося в свою образную психосферу. Это трансформирует сознание человека в нужном режиме для тех, кто создает для него программы.

Все это приводит к тому, что современный русский язык теряет самобытность и может вскоре совсем утратить свою великую роль учителя, воспитателя, носителя культурных и духовных традиций, словесной модели мира русского человека. Способности к культурной деятельности

снижаются, если население утрачивает свой родной язык. Западные агрессоры знают, что язык как система понятий и слов есть самое главное средство воздействия на сознание человека и средство подчинения людей. Когда угнетенный использует язык тех, кто его угнетает, он становится угнетенным окончательно.

Примеров сколько угодно. В СМИ уже проskalьзывают фразы: «В Доме ученых проводится Open House», «У нас в студии гость VIP», «Британская сторона готова оказать иракцам financial aid». Почему бы не сказать: «В Доме ученых проводится день открытых дверей», «У нас в студии почетный гость», «Британская сторона готова оказать иракцам финансовую помощь»? Почему бы не назвать все по-русски: ваучеры – обман, приватизация – воровство, конверсия – разгром обороноспособности. Новое словосочетание «Россия – энергетическая сверхдержава», активно насаждаемое через СМИ, в переводе означает всего лишь закрепление за нами роли поставщика сырья и ресурсов для более развитых стран. Элементарное казнокрадство уважительно именуется ныне «нецелевым расходом бюджетных средств». «Глобализация» – ну, тут пора прямо сказать, что это ширма, за которой осуществляется финансовая, экономическая, информационная колонизация страны.

Однако такую экспансию надо до поры до времени скрывать. И сейчас в странах Евросоюза создаются терминологические комиссии, целью

которых является издание законов, запрещающих перевод английских терминов (типа Open House, financial aid, VIP, world net, human rights и т. д.) на территории России на русский язык, потому что это якобы сугубо деловая лексика и она не предполагает перевода.

Важный вывод – современные языковые «реформы» (на примере русского языка) имеют четко спланированный антихристианский характер.

Наша задача – знать это, предвидеть и бороться! Возвращение к своим истокам и корням – вот то, что должно стать основой жизни современного человека. В этом и заключается идея Спасения. Но в первую очередь мы, дети России, сами должны «познать и почувствовать» русский язык, ибо сами недостаточно его знаем, плохо им владеем, небрежно к нему относимся, а ведь мы и только мы несем ответственность за состояние родного языка, его дальнейшее развитие, обогащение, за его место в мире.

С чего начать? Нам кажется, прежде всего – с резкого неприятия сквернословия, мата, площадной лексики, жаргона. И не только в общественных местах, но повсюду, и в первую голову – в семьях. С пеленок надо внушать ребенку, что все это – «грязные слова», грех, повреждение души. Мать Хемингуэя, когда он в детстве сквернословил, мыла ему рот с мылом. И была абсолютно права – если бы и все матери поступали так!

Произнесение скверных слов нарушает духовно-словесную ауру и, подобно табачному дыму, вредит не только самому сквернослову, но и окружающим. Вот что говорил об этом святитель Лука (Войно-Ясенецкий): «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. А энергия никогда не пропадает. Это знают физики относительно энергии материальной, которая во всех видах своих не теряется. Энергия духовная тоже никогда не исчезает бесследно, она распространяется повсюду, она действует на всех».

Кандидат филологических наук Мария Ковшова отмечает: «Русский язык превращается в блатную феню, потому что мы стали видеть мир сквозь призму криминальных образов. Молодым нравятся их сила и энергия. А криминальный сленг очень агрессивный – как и деятельность тех, кто изначально его использовал. Многие молодежные выражения и речевые штампы отвратительны, но от них буквально веет силой, и это просто завораживает молодежь» <...>.

При глубоком изучении языка какого-нибудь народа неизбежно знакомство с его психологией, нравами и обычаями, географией. Что же касается языка русского, то здесь случай особый.

Вся его красота, вся бездонная чистая глубина, вся необъятная высь и ширь его становятся понятными лишь в свете христианской веры. Русский язык попросту не может полноценно жить и развиваться в пространстве, лишенном света Православия, вне церковной ограды. Как пророчество и грозное предупреждение обращены к нам слова великого Ломоносова: «Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердиться, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет». И это для нас не риторическая фраза, потому что и в Церкви сейчас имеются тревожные сигналы о якобы целесообразной «реформе» – замене богослужебного церковнославянского языка на светский русский.

Как видим, атака на язык идет по всем линиям. И чтобы не «прославиться» как Иваны, родства не помнящие, чтобы не стать духовными предателями своей истории и своих предков, чтобы не вырастить себе на смену губителей культуры и Отечества, необходим сейчас наш сознательный активный патриотизм, одухотворенный огнем веры и любовью к родному русскому языку.

В нашем общении сегодня существует изобилие скверных слов, которые ослабляют и уничтожают в человеке лучшие свойства: веру в Бога, любовь к ближним и своей Родине, здоровье, творческие способности, крепость и счастье семейной жизни. Распространяющееся сквернословие

усиливает и умножает грехи непочтения к родителям, осуждения ближних, смотрения греховных телепередач, зависимости от компьютерных игр, курения, потребления спиртного и наркотиков, нецеломудренного поведения и прелюбодеяний, распада семей и убийства младенцев в утробе матери. Апостол Павел в Послании к Ефессянам сказал: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим* (4, 29) <...>.

Широко распространено так называемое «аффективное» сквернословие. Оно связано с выражением какого-либо чувства и обычно является эмоциональной реакцией человека на ситуацию, слова или поведение других людей, даже на собственные действия <...>.

Бранное, скверное слово потому и называется скверным, что оно оскверняет произносящего его человека. *Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека... а исходящее из уст – из сердца исходит; сие – оскверняет человека* (Мф. 15; 11, 18).

Господь говорит: *...из сердца исходят злые помыслы убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека* (Мф. 15, 19–20).

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «У тех людей, кто раздражается, ругается, злится и обижается, недостаток ума». Это все происходит от нашей гордости, от нашей испорченности, потому что мы – люди гордые, стараемся держать

себя выше всех, потому и причиняем много зла не только себе, но и ближним. Чем душа наполнена, то из этой души и изливается. Если человек раздражается, возмущается, в нем Дух Святой не живет, потому что Господь сказал: *...один источник не может изливать соленую и сладкую воду* (Иак. 3, 12).

Сквернословие наносит вред всем, кто его слышит, но больше всего самому матерщиннику. Здесь мы имеем дело с таинством слова. Кого зовешь, тот и приходит. Называешь человека по имени – он отзывается. Призываешь имя Божие в молитве – Господь ответит, если будет Его воля. Когда произносятся имена чертей, дьявола, демонических сил, откликаются бесы, которые и сопровождают чертыхающегося человека. Не случайно люди, которых бесы связали грехом, слышащие «голоса», свидетельствуют, что в их сознании против их воли звучит поток бранных и богохульных слов. Или возьмем другой пример. У закоренелых матерщинников бранные слова едва ли не полностью вытесняют нормальную речь. Без мата они уже двух слов связать не могут. Так отбирается разум у людей, удалившихся от Бога, погрязших в сквернословии.

Язык человека отражает состояние души. И каков человек, таковы и его слова. Если человек циничен, то циничны его слова, поступки и вся жизнь. И конец его будет соответствующим. Не зря сказал Господь Иисус Христос: *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди,*

дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Мф. 12, 36–37).

Мат является тяжким грехом, поскольку всякое матерное слово – это вызов, брошенный Богу, хуление Бога. И он не останется без последствий, каждый употребляющий «крепкие» слова должен это знать.

Необходимо быть осторожным в словах и знать, что человек, проклиная другого, на самом деле насылает проклятие на свою голову, так как по Божию закону воздаяния мы получаем то, что желаем другим. Желаем другим добра, получим от Господа добро (и от людей, как правило, тоже); желаем другим зла, а оно упадет на нашу голову <...>.

Во всем мире известно, что русский язык – один из самых богатых и выразительных языков. И весьма печально, что, обладая великим, прекрасным и могучим языком, многие русские люди отказываются от этого бесценного «клада и достояния» и в общении друг с другом пользуются жалким подобием человеческой речи – нецензурной бранью.

Речь человека, зараженного недугом сквернословия, до крайности бедна и свидетельствует о душевной неразвитости. Интересна мысль на эту тему Ф. М. Достоевского: «Сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, – не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного...»

Академик Д.С. Лихачев, отбывая в молодости срок на Соловках, создал научный труд, в котором подверг филологическому анализу воровскую речь и пришел к интересным выводам. Сквернословие не является в подлинном смысле человеческим языком. Эти «слова» воздействуют не на интеллект человека, а на чувственную часть души, то есть подобны сигналам, которыми пользуются животные. Из этого можно заключить, что не только употреблять в своей речи, но даже слушать сквернословие вредно, так как можно «испортить вкус» к нормальному человеческому слову.

Особенно опасно сквернословие для детей. Их интеллектуальное развитие зависит, главным образом, от того языка, на котором разговаривают окружающие их взрослые. Если ребенок слышит только речь, состоящую из двух-трех десятков слов и выражений (в основном неприличных), то ни о каком душевном и умственном развитии этого ребенка не может быть и речи.

Поэтому особенно необходимо защищать от сквернословия детей. Это важнейший рубеж защиты нашего Отечества!

Христианство сразу наложило «табу» на сквернословие, которое по своей сути является «молитвой» бесам, своеобразным заклятием и проклятием того, к кому она обращена.

Привычка к сквернословию – признак духовного и нравственного разложения человека. «Для него нет ничего святого» – именно так можно

охарактеризовать человека, который слово «мать» регулярно употребляет в грязных бранных выражениях. Можно ли о нем сказать, что он хороший сын? Хороший отец? Хороший гражданин (ведь Родина – тоже мать)?

В русском народе издавна матерщинников именовали богохульниками. Сквернословы Царства Божия не наследуют. Есть благочестивое поверье, что Матушка Пресвятая Богородица молится за самых отчаянных грешников Своему Сыну. Не молится Она лишь о матерщинниках...

С Россией враги наши ведут многостороннюю войну: информационную, экономическую, политическую, наркотическую, духовную и вооруженную, что недавно произошло при защите Абхазии и Осетии от Грузии. Одно из главных направлений происходящей войны – отравление сквернословием народа, молодежи и детей.

Сквернословие и матерщина, суммируясь, представляют ту непрерывную громадную энергию зла, которая не дает России подняться и встать на ноги. А каждый из нас и все мы вместе своим неучастием в сквернословии и своим разнообразным решительным противодействием ему можем осуществить оздоровление и подъем нашей Родины. Не будем помогать сатане! А будем жить, как предки, – богоугодно и этим поможем преодолеть происходящий кризис.

Сквернословие – это один из видов особо опасной наркотической зависимости, которая в отличие от принятия наркотического вещества, компьютерных игр и других зависимостей инди-

видуального действия оказывает вредное влияние – телесное и духовное разрушение всех окружающих людей, особенно детей и молодежи, кто слышит скверные слова и заражается ими.

Данная работа по защите и сохранению русского языка написана для тех, кто любит Россию и способствует ее возрождению.

Если обобщить все изложенное здесь, то можно сделать следующий вывод: Россия испытывает многостороннее разрушение на уничтожение; возможно, повторяет историю падения Великой Византии. Одно из главных направлений покорения и уничтожения в недалеком прошлом Великой России состоит в уничтожении нашей главной основы – русского языка, а вместе с ним – великой русской культуры и народа. Предотвратить эту мировую трагедию можем только мы, русские люди, – молодые и пожилые. Будем самоотверженно стоять на защите Отечества!

Дорогие учащиеся школ и студенты, родители и учителя! Будем беречь и защищать нашу главную силу – родной язык, будем стараться быть примером его правильного применения в жизни*.

Использованная литература:

Дмитриев А., Колдасов Г., Позднякова Н. Сила языка и ущербность речи. Санкт-Петербург, 2008. – 14 с.

Наше условие – долой сквернословие / Белгородское региональное отделение Всероссийского общества «Знание». Белгород, 2006. – 31 с.

* <http://www.pravoslavie.ru/smi/995.htm>; <http://www.rusk.ru/st.php?idar=113905>

Андрей Ткачев, протоиерей

Мат – не наш формат

Христиане называются «словесными овцами Христова стада». Они питаются словом, как чистым словесным молоком (см.: 1 Пет. 2, 2). Они верят в воплощение Слова, Чье бытие не имеет начала; службы христианские словесны (немой не может быть священником, а глухой без сурдоперевода ничего не понимает в богослужении). То есть словесность есть отличительная черта христианина. Ему должно быть свойственно чуткое и трепетное отношение к слову.

Согласно Евангелию, слово – это и меч, и семя, и имя Божие. При таком отношении к дару слова особенным является и отношение к словесным грехам. Они – не малость, поскольку их слышно на Небе. К словесным грехам мы относим ложь, клевету, наушничество, сквернословие. Остановимся на последнем.

Сквернословие есть как бы антимолитва. Если молитва невозможна без призывания имени, то сквернословие, как непрестанное призывание скверных имен, есть прямой враг молитвы. Как невозможно течь из одного источника и горь-

кой, и сладкой воде, так должно быть невозможным из одних уст исходить благословию и проклятию, призыванию Создателя и унижению созданных от Него. Все мы должны тщательно наблюдать за тем, чтоб не преткаться языком и не умножать своими словами количество скверны, существующей в мире. В борьбе с этим грехом важны самодисциплина и внимание к себе. Слово рождается в мысли, значит, чтобы не грешить в слове, нужно не позволять себе мысленно сквернословить. А еще важно то, что сквернословие — это зачастую словесный эксгибиционизм, когда человек болезненно сконцентрирован на теме пола и в словах выражает мир своих непреображенных желаний и им самим не понятых интуиций. Там, где нет правильного полового воспитания и здорового отношения к теме пола, там есть все условия для существования гнусной лексики.

На древних иконах бесы изображались имеющими несколько лиц, одно из которых помещалось в области половых органов. Таким образом иконописцы давали понять, что умная деятельность падших духов перевернута, опрокинута вверх тормашками и устремлена не вверх, а вниз. Если у человека подобный образ мыслей, если его умная сила пресмыкается в прахе, то отсюда и рождаются скверный образ мысли и скверные слова.

Говоря на эту тему, нужно подчеркнуть, что имеется в виду именно словесная скверна, т. е.

не просто слова типа «дурак» или «безумец», за которые мы тоже будем отвечать, а именно матерная брань. Она есть бесовский лай. Появление перед святыми бесов часто ознаменовывалось самой отвратительной, отборной руганью. Это образ их мыслей, это отображение их духовной природы. Они желают человеку всяческого позора, всяческого осквернения и там, где могут, совершают это делом, а где нет — мыслью и словом.

Если благопожелания, даже такие привычные, как «будьте здоровы!», если благословения и просто добрые, ласковые слова несут в себе действительную силу, то, конечно, все отсылания на разные буквы и подобные этому обращения людей друг к другу совершают несомненное зло в мире духовной реальности.

Сквернословие – оружие массового поражения

Известно, что врачи узнают, здоров человек или болен, осматривая язык; можно сказать, что наши слова служат верным признаком добрых или худых расположений нашей души.

Святитель Тихон Задонский

Некоторые очень разборчивы в пище и не допускают в уста свои известных яств, но не так разборчивы и осторожны относительно слов, исходящих из уст их.

Блаженный Августин

*Сергей Виноградов,
кандидат филологических наук*

Сквернословие

Одной из примет постигшей нас культурной катастрофы стало сквернословие. Оно гнездится не только в группках тусующихся тинейджеров и давно уже перестало быть «лингвистической прерогативой» пьяного грузчика в овощном магазине. Матерщина свободно и горделиво льется в коридорах и курилках престижных вузов, со сцены и экрана, со страниц нашей печати. Глубоким анахронизмом стало правило «не выражаться при дамах»: мат ныне неизбирателен по полу, и некоторые «дамы», особенно в нежном возрасте, способны заткнуть за пояс иного бомжа.

Обвальное сквернословие вообще, по-видимому, спутник кризисных времен. Историк и мыслитель XVII века дьяк Иван Тимофеев среди пороков и грехов, которые привели к едва не погубившей Россию Смуте, упоминал не только ложь, лицемерие, дерзость клятвопреступлений, потерю любовного союза, ненасытное сребролюбие, безмерное употребление вина и обжорство, но и «зловонное произношение языком и

устами матерных скверных слов». Конечно, было бы упрощением, говоря о сквернословии, все сводить к социальным или к идеологическим причинам. Инвективная (оскорбительная) и непристойная (выходящая за рамки принятого) лексика существует во многих языках и культурах. Именно из слов такого рода складывается лексический состав сквернословия, или мата. Это относительно небольшая («грязная дюжина», как говорят англичане) и замкнутая группа слов и выражений, на употребление которых в культурном сообществе накладывается табу. В эту группу входят наименования частей человеческого тела, прежде всего гениталий (так называемая лексика «телесного низа»), физиологических отправления, полового акта, а также производные от них слова. Сюда же относятся некоторые оскорбительные лексемы наподобие слова, в своем основном значении служащего названием распутной женщины, но чаще используемого все-таки в междометной функции – при выражении всей гаммы человеческих эмоций: гнева, возмущения, изумления и даже восторга.

Вокруг русского мата в быденном сознании сложился целый ряд мифов. Самый устойчивый из них – представление о том, что наиболее циничные ругательства появились в период татаро-монгольского ига и привнесены в русский язык именно ордынцами. Это неверно: корни большинства нецензурных слов имеют общеславянское или даже индоевропейское происхождение.

Кстати, имея столь древнюю историю, лексика, которая сегодня входит в зону табуирования, далеко не всегда осознавалась как неприличная. Например, одно из самых распространенных в наши дни ругательств – нецензурный синоним проститутки и производные от него слова свободно проникали в книжные источники еще в конце XVII века. Однако постепенно эти слова стали восприниматься как «срамные» и в 1730 году, как говорят специалисты, были запрещены в книжных источниках чуть ли не специальным указом.

Второй миф, в чем-то противоположный первому, – убеждение в особом пристрастии к мату именно русских. Мол, уже в глубокой древности наши предки не могли обойтись без соответствующей лексики даже в ритуальных действиях, даже в свадебных обрядах. Действительно, у восточных славян, как, впрочем, и у других народов, в языческие времена существовал культ плодородия, вера в мистический брак земли и неба как источник урожая. Да, на русских свадьбах пели так называемые корильные песни, в которых содержались ритуальные оскорбления жениха (чтобы не пришлось избраннице корить его в будущей жизни), часто, на наш современный взгляд, непристойные. Естественно, подобные представления и ритуалы по необходимости должны были иметь свой особый словарь – однако тогда входящие в него слова не воспринимались как неприличные. И только по отношению к более поздним временам... плоть стали считать изначально

греховной, а на лексику «телесного низа» был наложен запрет, можно говорить о ритуальном сквернословии, которое бытовало еще в прошлом столетии. Например, русский крестьянин, отпугивая нечистую силу, совсем не обязательно осенял себя крестным знаменем, но, веря в то, что «черт матюгов боится», мог для «обереги» использовать нецензурную лексику.

В наши дни сквернословие существует в разных проявлениях, как бы выступает в нескольких ипостасях.

Прежде всего – это привычное сквернословие, свойственное людям с невысоким уровнем культуры. В этом случае матерные слова и выражения для человека, который их употребляет, никак (или почти никак) не отмечены, они входят в обычные словесные ряды их лексико-фразеологического тезауруса (словаря) и используются, можно сказать, автоматически – и как единицы именования соответствующих предметов и действий, и как междометия, выражающие разнообразные чувства, и как балластные наполнители речевого потока (подобно тому, как некоторые другие люди поминутно говорят: «вот», «так сказать», «значит»). Привычный мат – это абсолютное и законченное проявление бескультурья. Хотя он и связан с уровнем образования, но не напрямую: я, например, знал крестьян, за плечами которых было два класса церковноприходской школы, но для которых матерное слово было столь же противоестественно, как лень или плохая ра-

бота; в то же время мне известны привычно и уныло матерящиеся студенты, инженеры и врачи. Основная среда формирования привычного сквернословия – семья, основная причина – культурный вакуум, царящий в ней. Поэтому сквернословие так устойчиво: ребенок, который ежедневно слышит, как его родители «ласкают» друг друга забористым словом, почти наверное вырастет «матерноговорящим» и передаст эту привычку своим детям.

Широко распространено так называемое аффективное сквернословие. Оно связано с выражением какого-либо чувства и обычно является эмоциональной реакцией человека на ситуацию, слова или поведение других людей, даже на собственные действия (кто-то, наверное, легко вспомнит слова, которые он произносит или хочет произнести, когда, изо всех сил ударяя молотком по гвоздю, попадает себе по пальцу). Часто, хотя и не всегда, аффективный мат представляет собой оскорбление. Кстати, существует точка зрения, согласно которой именно возможность снятия сильного психофизического напряжения за счет употребления запретной лексики как раз и является основной причиной ее существования. Причем чем сильнее табу, тем большую эмоциональную разрядку приносит нарушение запрета. Поэтому, дескать, в разных культурах

Воздержание языка показывает человека мудрого.

Преподобный Авва Исаия

создаются и, естественно, табуируются оскорбления того, что является священным или жизненно важным для данного этноса: у русских это оскорбление матери (в славянских культурах ценится родство по материнской линии), у католиков – Мадонны и т. д. Наиболее оскорбительное выражение, бытующее у чукчей и эскимосов, можно перевести примерно так: «Ты – неумеха». Английский медицинский журнал XIX столетия писал: «Кто первым на свете обругал своего соплеменника, вместо того чтобы дубиной раскроить ему череп, тем самым заложил основы нашей цивилизации; ведь если вы кому-то наступили на мозоль, он вас или ударит, или обругает, то и другое одновременно вряд ли возможно». Хотя последнее утверждение весьма сомнительно, мат как разновидность аффективного поведения реально существует. Но и он, разумеется, находится за пределами «культурной рамки» общения. Кстати, это хорошо понимают и сами носители языка, причем далеко не только самые интеллигентные из них. В результате предпринимаются попытки (это характерно и для детской среды) вытеснить нецензурные слова, заменить их другими. Именно в этом причина распространения слова «блин» в своеобразной междометной функции: «Вот, блин, опять не получается». И, хотя здесь присутствует явный и нескрываемый фонетический намек на «первоисточник», это все же не грязное ругательство.

Еще одно из проявлений сквернословия – намеренный эпатаж, вызов обществу, потуги разрушить общепринятые правила приличия. Диапазон этой разновидности мата весьма широк – от элементарного лингвистического хулиганства, надписей на заборах и в туалетах до манерно-циничных (на публике) выступлений некоторых представителей «интеллигенции» и, так сказать, произведений искусства – книг, кинофильмов, спектаклей. Да, в текстах великой русской литературы немало строк и строчек, где соответствующие слова даже в академических изданиях стыдливо заменялись отточиями. Но разве есть что-нибудь общее между ними и матом в угоду моде, для создания ореола скабрёзной скандальности или просто потому, что иначе говорить не умеют?

Мат – это, увы, объективная суровая реальность. Отчетливо осознавая это, должны ли мы занять безучастную позицию? Вряд ли. Ведь сквернословие не только оскорбляет других людей, но и разрушающе действует на самого человека: мат как бы становится частью его менталитета. Человек начинает смотреть на мир сквозь сетку, узлы которой связаны из матерных слов, и мир этот удручающе примитивен, поскольку все многообразие жизни низводится в нем до простейших отправления.

Нет и не может быть каких-то универсальных рецептов излечения от сквернословия. Ясно одно: это возможно только при значительном

(на порядок, на несколько порядков) повышении культурного уровня как общества, так и отдельного человека. Не нужно тешить себя иллюзиями: спившегося люмпена или проститутку с площади трех вокзалов никто не научит говорить на другом языке. Но многое можно сделать в микроколлективе – в классе, студенческой аудитории и особенно в семье. Давайте будем нетерпимы к сквернословии – наложим на него полный и не подлежащий обсуждению запрет*.

* Наука и жизнь. 1993. № 4.

*Дмитрий Мамонов,
сопредседатель Союза православных педагогов*

ВОСПИТАТЕЛЬ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших (Еф. 4, 29). В понятие «Отечество» входит не только связь человека с местом рождения, с родной землей и с людьми, на ней живущими, но и связь с историей своего народа, с его культурой, которая определяет лицо народа и его судьбу. Все это выражено в языке народа. Это люди понимали давно. Еще в древнерусской речи понятия «народ» и «язык» равнозначны. Вместо слова «народ» русские летописцы употребляют слово «язык», как более точное, определяющее не только словарь, но и нрав народа.

Язык хранит бытовые и нравственные знания народа. Опыт народной жизни запечатлевается в копилке слов, употребляемых каждым поколением и передаваемых потомкам. Таким образом, все лучшее в языке, создаваемом веками, отбирается временем и передается новым поколениям как народное богатство, содержащее знания о жизни, и как важнейшее средство народного воспитания.

Язык – воспитатель новых поколений. Младенец, от рождения слушая и запоминая речь окружающих, получает воспитание через сам словарный запас родного языка и так становится гражданином своего народа. Важную роль играет и богатство речевых возможностей языка, его выразительность, характер построения фраз, их взаимосвязи.

Особое значение в общении людей и в развитии культуры говорящего имеет музыка звучания речи. Мы знаем, что музыка обладает силой прямого и быстрого воздействия на человеческую душу, формирует душевное настроение и таким образом влияет на нрав воспринимающей личности. Музыка языка влияет на душу и того, кто слышит, и того, кто строит и произносит речь.

Что ценного из родного языка молодое поколение сохранит, то и окажется его интеллектуальным и нравственно-духовным богатством, и уже это будет передано потомкам. А что молодежи утеряно, то может быть утрачено и следующими потомками. Таким образом, от каждого поколения зависит, какому языку оно научит своих детей и какой культурный запас его дети и внуки понесут дальше – в будущую жизнь и в строительство будущей истории народа.

Язык призван быть копилкой и сокровищницей всего лучшего в культурном опыте народа, ведь малоценное отмирает само собой, как ненужное для укрепления жизнеспособности и

развития новых сил народа. Особую значимость имеет накопление и закрепление в языке нравственного опыта, выработанного в процессе всей истории, пройденной народом за время его существования.

Так язык становится средством глубокого и всестороннего самовыражения народа, культурным, нравственным и духовным лицом нации. Мы знаем, что существуют примитивные или бедные по содержанию языки, ограниченные возможностью выражения мысли и чувства, упрощенные даже по звучанию, это языки племен и народов, имеющих недолгий исторический опыт и пока еще слаборазвитую духовно-нравственную культуру.

Русский язык относится к самым сложным и самым богатым языкам среди языков наиболее цивилизованных стран. Это язык народа, создавшего одну из самых великих культур в мировой истории. Мы получаем это великое богатство родной культуры как бы в сжатом виде через код родного русского языка – уже в раннем детском возрасте.

Великий русский ученый, выдающийся мастер слова, отлично знавший несколько европейских языков, а также древнегреческий и латынь, Михаил Васильевич Ломоносов писал: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственно своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе...

Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком – с Богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелями, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Русский язык отличается особым благородством. Даже среди языков цивилизованных народов почти нет таких, где, как в русском языке, слова, разрушающие нравственную чистоту, были бы отброшены в отдел запрещенных в обществе слов, именуемых – «сквернословие». И это сделано не учеными мужами и даже не церковным запретом, но самим народным сознанием, целомудрием народной культуры.

Но все, что человек имеет, он по своей небрежности может потерять! В наше время в современной массовой речи великий русский язык превращается в жалкую тюремную «феню», густо перемешанную с матерщиной.

В старину в русском народе того, кто ругался матом, именовали богохульником. Это весьма тяжелое обвинение, но вполне справедливое.

Православная Церковь говорит, что Пресвятая Богородица не молится за тех, кто ругается

матом. В Русской Церкви известны и записаны факты, когда заядлые матерщинники были наказаны Богом за этот тяжкий грех, за издевательство над великим языком, который Господь даровал русскому народу, призванному хранить православную нравственность прежде всего в языке.

Церковный опыт учит, что тот, кто сумеет обуздать свой язык, тот сможет сопротивляться и другим грехам. Распущенность человека начинается с распущенности речи, а затем гниение переходит и на мысли, и на дела.

В наше время словесную гниль пропагандируют в прессе, на радио и телевидении, в кино и современных пошлых книгах. Ничего подобного русская жизнь никогда не знала. Мы слышим сегодня, как через слово матерятся юноши и девушки в обыденной разговорной речи, как родители на матерщине говорят со своими детьми, как на матерной речи общаются даже влюбленные! Что же происходит?

Так начинается вырождение нации, отказ потомков великого народа от наследия великой древней культуры, превращение человека в обезьяну. Массы людей махнули на себя рукой и готовы погружаться в нечистоты, совершенно не замечая смрада, в котором они живут и который сами привычно изрыгают на каждом шагу.

История народов знает факты, когда жестокие завоеватели, захватив более слабые страны и превратив их в колонии, запрещали покоренным

народам говорить на родном языке. Сегодня для того и ослабили Россию, чтобы ее завоевать. И завоеватели предлагают нашему народу отказаться от великого языка и перейти на жалкий бедненький, как у пигмеев, язык дураков и хулиганов. Чтобы мы забыли, кто мы такие, и покорились завоевателям, отдав свое потомство в рабы колонизаторам и грабителям, ворами и насильникам.

В эпоху татаро-монгольского рабства Русь сохранилась под игмом только потому, что сберегла две главные ценности – Православие и свободный, не поддавшийся рабству, русский язык. Именно эти две опоры народных сил сплестили и укрепили наш народ, обеспечили победу над рабством. И помогли освобожденному народу создать великую и непобедимую Московскую Русь. Начнем же борьбу за спасение России с борьбы за спасение великого Божьего дара – русского языка, и Бог нам поможет!*

* <http://orthomed.ru/pms.php?id=library.family.00031>

Роман Багдасаров

Попустительство сквернословию угрожает безопасности граждан

Свобода слова или свобода насилия?

В российском контексте инициативы «Декалог-XXI» заповедь: «Не лжесвидетельствуй» понимается как барьер в дискредитации традиционных духовно-нравственных ценностей со стороны СМИ, организаций и отдельных лиц. Одним из наиболее болезненных видов подобной дискредитации является распространение нецензурной брани в сферах информации в колоссальных, невиданных доселе количествах. Подобную деятельность нельзя оправдывать «свободой слова», потому что, как я постараюсь показать, такая свобода равнозначна свободе насилия. Девятая заповедь на практике связана с предшествующими ей шестой, седьмой и восьмой: «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не укради».

Матерщина появилась в печати в президентство Бориса Ельцина. Ее вторжение происходило

тогда по всем направлениям: в литературе, публицистике, периодике, СМИ, аудио- и видеозаписях... Однако сейчас наступает качественно новый этап. Присутствие непечатной лексики (не говоря о грубой брани, связанной с испражнениями и т. п.) в сфере письменности и СМИ перестало восприниматься как нечто аморальное, перейдя в привычку, общий фон, норму. Литераторы, журналисты, телеведущие молодежных (!) программ, звезды всех размеров соревнуются друг с другом в выражениях, которые еще пятнадцать лет назад были жестко табуированы в публичной сфере.

Отравленные поколения

Кто и когда из занимавших ответственные посты в министерствах и комитетах, на телевидении и радиовещании открывал шлюзы для этого потока грязи, должно быть выяснено хотя бы из чистого любопытства. Несомненно, данные радители за «свободу слова» оказали убийственное влияние на формирование отечественной речи и письменности на несколько поколений вперед.

Перед всеми, кому дороги духовно-нравственные ценности, стоит нелегкая задача: определить свою позицию в создавшейся новой ситуации. Впервые за всю историю русской словесности фактически сняты цензурные запреты на мат. Сегодня из выступающих в публичной сфере не матерится лишь тот, кому не позволя-

ют делать этого его нравственные или религиозные убеждения, либо тот, кто не вполне уверен, что это сойдет ему с рук при продвижении по карьерной лестнице. Если же обратиться к сфере приватной, то там падение тотальное. Широкое распространение электронных видов связи, предполагающих оперативное деловое и бытовое письмо (e-mail, sms, icq и т. д.), облегчает привычку каждодневно писать матерщину тем гражданам, у которых отсутствуют соответствующие моральные принципы. Это уникальная, катастрофическая ситуация.

Любители срамословия

Могут спросить: а что, разве матерщина отсутствовала в нашей культуре раньше? Разумеется, нет. Можно даже сказать больше: матерщина, нецензурная брань были частью простонародной культуры. Но культуры устной. Существовал жанр срамных частушек, особенно популярный у малоимущей и необразованной прослойки крестьянства. Употребление нецензурщины в такого рода частушках было даже «нормой» в определенных ситуациях (например, на пьяной гулянке), однако оно не перекидывалось на письменность. Я не беру здесь порнографическую поэзию типа Баркова – непечатную буквально, а не номинально, как сегодня, когда Баркова издают с академическим комментарием.

Не секрет, что в народной среде любители срамословия попросту не умели писать или писали

еле-еле. Грамотные же крестьяне избегали устной матерщины (не говоря об изложении ее на письме). Уровень грамотности был неразрывно связан с восприятием слова через призму священных текстов и церковных песнопений.

Невозможно представить, чтобы матерные слова писались церковнославянским уставным письмом, которым переписывали Евангелие и молитвы. Мат могли употреблять лишь в берестяных грамотах, так как это было упрощенное, бытовое письмо, во многом графически иное, чем буквы, употреблявшиеся при переписывании священных текстов. Случаи такие, между прочим, крайне редки: из примерно тысячи известных нам берестяных грамот обсценную лексику (матерщину) содержат только четыре.

Если же говорить о российских мусульманах и иудеях, то для них рукописное слово было еще теснее связано с религиозными ценностями, ведь знание священных языков Корана или Танаха было для них еще более трудозатратным и еще менее доступным, чем знание церковнославянского для православных. Использование полученных в медресе и хедерах знаний для записи ругательств было бы расценено как помешательство или одержимость демоном.

Обсценная лексика (от лат. «obscensus» – отвратительный, нефистойный, распутный, безнравственный) – ненормативная, запретная лексика, нецензурные выражения, непечатная брань.

Выход агрессии?

Если религиозные институты прямо осуждали матерщину в любом виде, расценивая как грех сквернословия, то традиционная этническая культура, хотя и ограничивала матерщину устной сферой, все-таки допускала ее существование в своих недрах. Объяснение этому следует искать в психологии человеческой агрессии. Традиционная этническая культура, в отличие от религиозной в чистом виде, предельно прагматична, хотя религиозные заповеди и играют для нее основополагающую роль. Так, чтобы дать отдушину подсознательной (а иногда и вполне осознаваемой) скапливающейся агрессии, традиционная мораль позволяет произнесение матерных слов в определенных эмоциональных ситуациях. Чтобы предотвратить совершение человеком грубого насилия, лучше на короткий миг пожертвовать чистотой речи. В этот момент срабатывал механизм взгляда на себя, на ситуацию со стороны, отстранение от греховных, осуждаемых действий. Открывался путь к успокоению и последующему самоукорению за допущенное нарушение речевой нормы. В других случаях (например, на свадьбе) пропевание срамных частушек являлось наследием архаических верований, причем подобный обычай практиковался не всегда, не везде и часто игнорировался благочестивыми семьями либо сурово регламентировался.

Конечно, механизм употребления обцененной лексики давал положительный результат только при условии табуирования матерщины. При этом в определенных (даже малограмотных) слоях матерщина сурово осуждалась, поскольку в ней усматривали хулу на священных лиц (в частности, на Богоматерь). Для ряда слоев населения – несовершеннолетних, монашествующих, священства – употребление матерных слов расценивалось как сугубый грех и строго наказывалось.

В Свердловской области заключенным демонстрируют документальный научно-просветительский фильм о вреде мата, сообщил «Интерфаксу» специалист пресс-службы ГУИН региона Сергей Сухоруков. По его словам, премьера фильма состоялась в исправительной колонии № 2 Екатеринбурга, где его смогли посмотреть порядка 100 осужденных.

«В картине филологи Екатеринбурга объясняют происхождение такого явления, как нецензурная брань. Психологи рассказывают, что мат способен отрицательно влиять на здоровье не только матерящегося, но и на того, кому адресованы эти слова. Герои фильма нередко называют матерящегося – “человеком с гнилью внутри”», – рассказал Сухоруков.

В настоящий момент в свердловских колониях существует строгий запрет на мат. Наказанием за нецензурные выражения является выговор или замечание. Если же заключенный в речи использует брань часто, то за это он может угодить и в карцер.

Обилие матерщины провоцирует агрессию

Когда табу на мат снято и «все дозволено», «аварийные» механизмы традиции не срабатывают. Происходит даже нечто обратное. Перенасыщенность повседневной лексики матерщиной не предотвращает насилие и агрессию, а, напротив, подталкивает к ним. Тот, кому знакомы правила поведения в криминальной среде, знает, что актам агрессии и насилия всегда предшествует там словесный «зачин», который плавно переходит в действие.

Сейчас необходимо осознать, что вопрос о сквернословии непосредственно связан с психологией агрессии. Если еще недавно попустительство матерщине казалось кое-кому удобной отдушиной, «выхлопом» для социального недовольства масс в условиях экономического стресса, то теперь мы уже имеем дело с качественно иной средой и качественно иной ситуацией. Дальнейшая пассивность по отношению к матерщине и похабщине поведет не к амортизации насилия, а к его росту.

Этот вопрос тесно связан с безопасностью и здоровьем нации. Здесь необходимы жесткие и нелицеприятные меры: матерщинники должны быть отторгнуты сферой СМИ и культуры, а бытовое сквернословие, наконец, загнано в административные и уголовные рамки*.

* Православная газета для простых людей. 2009. № 2 (74).

Мария Дмитриаш

Трехэтажное неуважение

Почему в России
матерится каждый второй

Засилье нецензурной брани в нашей жизни велико. Мало того что в быту мы все выражаемся с разной степенью «красноречия». Но в театрах ставят матерные спектакли, популярные писатели пишут, используя ненормативную лексику, а реплики политиков и звезд шоу-бизнеса в телеэфире часто сопровождаются звуком «пи». За мат в общественных местах в некоторых городах уже штрафуют. Но, судя по опросу, проведенному Исследовательским центром SuperJob.ru, пока эти меры бессильны: крепкие словечки используют шестьдесят два процента россиян. Неужели мат такая уж неотъемлемая часть нашей культуры?

На днях журналист и фотограф «Известий» приехали на интервью к популярному стилисту. Полчаса прождали, пока «звезда» проснется, а когда она появилась, в шоке были и «звезда», и журналисты. «Что? Фотограф? Вы совсем о...,

б...? – закатывая голубые глаза, материл коллег стилист. – Мне надо было тогда три часа назад встать, make-up сделать...» По ходу интервью «звезда» продолжала так усердно «звездить» («Х...т одно и то же! Ну, это полный п...ц!»), что произвела впечатление совсем «звезданутой»... Причем стилист не ругался. Он просто отвечал на вопросы.

Другая коллега рассказала историю, произошедшую в подмосковной Малаховке: «Еду я на велосипеде и вижу совершенно идиллическую картину: молодые мамы с колясками сидят на лавочке, общаются. Очень трогательно всё со стороны выглядело. Подъехала ближе... и услышала ТАКОЙ трехэтажный мат, какого от грузчиков не услышишь. Сидят они, тетешкают своих младенцев и... разговаривают. Они ведь на самом деле РАЗГОВАРИВАЛИ, а не скандалили между собой!»

Впрочем, то же самое происходит практически на любой столичной детской площадке, в магазинах, офисах, школах и даже в детских садах. В транспорте слова на «х» и «б» слышишь чаще, чем объявления остановок; в автомобильной пробке от водителей можно прослушать ускоренный курс матерного языка; на работе планерки не всегда обходятся одной лишь нормативной лексикой.

Только тридцать восемь процентов россиян, судя по опросу Центра SuperJob.ru, категорически не приемлют мат. А остальные – то есть

каждый второй – с матом дружат. Но, судя по тому, что происходит вокруг, тридцать восемь процентов «нематерящихся» респондентов SuperJob.ru просто слукавили.

В Сибири и на Волге любят крепкое словцо

Почему мы материмся? Психологи объясняют все стрессами, воспитанием. Лингвисты – слабым словарным запасом. По выводам социологов, среднестатистический российский матерщинник – отнюдь не сантехник-выпивоха, а семейный мужчина до сорока пяти лет с высшим образованием и высокой зарплатой.

«Судя по нашим опросам, больше всего ругаются матом в Приволжском и Сибирском федеральных округах, а реже – в Южном федеральном округе», – говорит начальник отдела социальных исследований ВЦИОМа Никита Чулочников.

«Мы используем мат как средство для подпитки, чтобы как-то себя усилить, – считает психотерапевт Михаил Папуш. – Современный мир стал жестче, и те, кто ругается матом, как бы принимают воинственную окраску. Ведь мат – язык с очень сильной энергетикой. К сожалению, чем больше у человека власти, чем выше вершина, на которую он взобрался, тем чаще он выражается независимо от места и окружения. Но мат – чисто мужской язык. Женщины, которые часто выражаются, маскулинизируются и резко теряют женственность».

«Мы слышим это с пеленок!»

Не могу сказать, что моя однокурсница Катя потеряла женственность от своей любви к крепким словечкам, но ее пример полностью опровергает связь между средой и сквернословием. Девушка из интеллигентной семьи. Ее родители слова грубее «идиот» в жизни не скажут, а Катя может покрыть таким трехэтажным, что работники на производстве позавидуют. Возможно, образованные люди просто могут остановиться вовремя и знают, где мат допустим.

«Зачем притворяться, мы с пеленок слышим мат! – считает она. – Он у нас в подкорке. В стрессовой ситуации мы материмся не меньше строителей. И в компании друзей материмся. Когда обсуждаем человека, которого недолюбливаем, тоже материмся, а если и не материмся, то думаем матом».

«Когда на монтажах ругаются по-черному, – это равное общение, – считает секретарша Наталья. – А когда шеф орет на секретаршу матом, – это ужасно!» «В некоторых ситуациях с матом информативность речи повышается в десятки раз!» – говорит студент Московского авиационного института Павел. «А я не матерюсь, и все мое окружение не матерится, что же мы – инопланетяне?» – вопрошает домохозяйка Елена.

«Поставишь многоточие – книга
станет вялой!»

Между тем мат на Русской земле – древний «житель». «Все матерные слова имеют общеславянские корни, никакие тюрки нам их не забрасывали, – считает заведующий кафедрой славянской филологии филфака Воронежского госуниверситета Геннадий Ковалев. – Причем у древних славян матерные слова относились к нормальной лексике. Другое дело, что на них стояло табу: мат нельзя было употреблять детям и женщинам, а также всуе. Выражение – “пошел он туда-то” обозначало возвращение человека к своему первородству. То есть: ты в этом мире не годишься и иди снова туда, откуда ты пришел. В эпоху христианства появились эвфемизмы – заменители матерных слов. Например, слова “хрен”, “на фиг” <...>.

Запретить использовать в литературе мат невозможно, да и незачем. Вопрос в другом: может, издательствам стоит хотя бы предупреждать читателя о том, что текст содержит ненормативную лексику и не рекомендован для лиц, не достигших восемнадцати лет?

«Послушайте, как общаются между собой подростки, пойдите возле мужичков, потягивающих пиво! – говорит заведующая редакцией современной художественной литературы издательства АСТ Ольга Ярикова. – Что вы услышите? Некоторым писателям неинтересно с таким “планктоном” иметь дело, иные, напротив, пы-

таются его описать. Конечно, мы “прореживаем” ненормативное словоупотребление, если автору изменяет чувство меры. Но, если мат вовсе убрать или поставить многоточие, текст станет вялым и пресным. Понятно, что человек, работающий с печатным словом, несет за него двойную ответственность. И в то же время, если современный автор предъявит вам роман, где его герои говорят исключительно на литературном языке, они покажутся вам ходульными, а роман – фальшивым».

В другом крупном издательстве тоже придерживаются политики невмешательства. «Филологи, литературоведы, библиотекари убеждали нас, что любая цензура по отношению к тексту вредна, – говорит директор по общественным и корпоративным отношениям издательства “Эксмо” Мария Ишкова. – Главное – подача текста в соответствии с аудиторией. То есть не надо для детей писать так, как для взрослых, а для романтиков – как для циников».

По словам Ольги Яриковой, писателей-матерщинников стало больше с появлением Интернета: «В постсоветские годы мат у молодых авторов обозначал проявление наступившей свободы, но и сейчас в Интернет-пространстве и по издательским коридорам бродят молодые люди, которые, как им кажется, красиво матерятся, демонстрируя свою независимость от общественного мнения. А некоторые сделали на этом имя и даже литературную репутацию. Но есть

надежда, что когда-нибудь авторам надоест постоянно матерящийся герой, да и читателям – тоже».

Территория без сквернословия

Недавно в некоторых российских городах начали штрафовать за мат. Первопроходцем был Белгород.

«Мат – не наш формат, – заявляет начальник Управления культуры Белгородской области Сергей Курганский. – Мы ведем с ним борьбу уже несколько лет: в ход идут штрафы, антима-терные плакаты. Как бывший ректор института культуры могу сказать, что в учебных заведениях у нас сейчас мат исключен. В школах, институтах на входных дверях так и написано: “Территория без сквернословия!” Вполне возможно, что ребята выходят за угол и говорят на “своем” языке. Но с чего-то же начинать надо!»

В Рязанской области с матом сражаются в селе Вышгород. Председатель сельского предприятия «Вышгородский» Николай Митрохин подписал распоряжение: каждое бранное слово карается штрафом в пятьдесят рублей. «Мысль эта возникла во время Великого поста, – рассказывает Митрохин. – Моя жена как-то зашла ко мне в кабинет, там еще была бухгалтер, хрупкая такая девушка. А я из-за того, что она неправильно документы составила, выругался на нее. И потом мне так стыдно стало! Вызвал к себе начальника службы безопасности, мы с ним подписали

приказ и на второй день уже рабочих оповестили: “Выругался – плати пятьдесят рублей!” С тех пор у нас каждый друг на друга стал “доносить”. Я как-то обронил словечко – наш механизатор позвонил в бухгалтерию: “Николай Николаевич выругался!” Бухгалтер мне выписала штраф в пятьдесят рублей. С помощью “матерных пошлин” за два месяца на предприятии собрали восемь тысяч рублей. Деньги потратили на “культурное обогащение” и всей “антиматерной группой” съездили в театр. Сейчас ждут окончания полевых работ, чтобы сделать еще одну “вылазку” на спектакль.

В самом Вышгороде инициатива Митрохина вызвала большой резонанс. «Один пенсионер приходит ко мне и говорит: “Николай Николаевич, я на вас в суд буду подавать! За целый день наругаюсь матом – мне моей пенсии не хватит”. Я его успокоил – сказал, что на пенсионеров это не распространяется. А в целом некоторые стали меньше ругаться. Я на это внимание постоянно обращаю. Говорю: “Давайте посмотрим на людей с юга. Они чтят закон, чтят старших, они уважают друг друга. И чтобы они свою мать куда-то послали! А мы что, хуже их?”»

Пропаганду антимата ведут и в Барнауле.

Шестьдесят четыре процента россиян считают, что ругаться матом недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Руководство местного хладокомбината выдало сотрудникам спецсловари с аналогами матерных слов. Так, словарный запас трудящихся пополнился выражениями: «Простите, вы слишком назойливы», «Меня переполняют эмоции», «Не отвлекайте меня, я занят!»

В городе Димитровграде даже проводили День без мата.

«Мы добились того, чтобы в автобусах, маршрутках не звучали шансон, матерная речь, – рассказывает начальник Димитровградского Управления культуры Людмила Жукова. – Стало легче ездить. На улицах ребята из комитета по делам молодежи делали людям замечания, если слышали мат. Толк в этой работе есть: старых людей уже не переделаешь, а на молодых можно воздействовать. В общем, на местах с матом ведется неравный бой. Федеральной программы против нецензурной речи у нас нет. Да даже если бы и была, представить, что матерный язык исчезнет с Русской земли, очень трудно. Штрафы, конечно, могут повлиять, но для этого нужны люди, которые будут штрафовать. А наши милиционеры сами не прочь ругнуться.

Лучше всего бороться с матом получается у Церкви. Каждый верующий знает: матерное слово – грех. И то иногда грешит. Но проблема не в том, кто матерится, а кто – нет. А в том, что многие не в состоянии контролировать себя, не умеют вовремя умолкнуть. Хотя бы при детях» <...>*

* Известия. 25.09.09.

Юрий Скубак

Попробуем без мата!

Сегодня мало кто следит за своей речью. И это неудивительно, ведь ум человека занят повседневными заботами и житейской суетой. А есть ли вообще возможность пресечь в обществе нецензурную брань? Почему с наших уст срывается мат? Что или кто двигает языком человека? Сознательно или в трансе человек употребляет мат? Эти и подобные вопросы сегодня волнуют многих. Люди обеспокоены загрязнением родного языка, поэтому во многих регионах Украины проводятся профилактические программы борьбы против греха сквернословия. К участию в этом проекте привлекаются не только врачи, психологи и филологи, но также священнослужители, которые, в свою очередь, также могут дать оценку природе происхождения такого явления, как грех сквернословия.

Для решения любой проблемы необходимо проанализировать ее генезис. Как говорит философская мысль: «Зри в корень!» Именно по этой причине в студию областного телевидения

был приглашен клирик Свято-Троицкого кафедрального собора протоиерей Игорь Собко.

– Отец Игорь, в старину сквернословов ассоциировали только с рабочим классом по известной поговорке «Ругается, как сапожник». Сегодня в молодежной среде отборный мат – явление повседневное. С чем это связано?

– Начну сразу с того, что не стоит так категорично обобщать нашу молодежь. К сожалению, большинство взрослых постоянно ругают молодое поколение. А почему? Потому что они не живут по их выработанному формату? Или не делают того, что навязывают взрослые? Или одежда детей в точности не сходится с гардеробом родителей?.. И таких вопросов можно задать еще множество. Молодежь сегодня оценивают по внешнему виду, и это плохо. Во-первых, давайте вспомним свою молодость и извечный конфликт между взрослым поколением и молодежью. Для взрослого поколения того времени мы в точности были такими же: и одежда нескромная, и походка безнравственная, и музыку не ту слушаем. Этим «и» нет конца. Но нужно попробовать заглянуть молодым в душу, постараться понять, что же их сегодня волнует, чем они интересуются. Как священник я могу сказать одно – не вся молодежь живет в пороке и грехе. Большинство – это целеустремленные и интересные люди, которые имеют мечту, цель и стремятся ее достичь. Что же касается конкретно скверносло-

вия, то также могу сказать, что многие из молодых не считают это нормой. Молодые ребята осознают, что это грех, и доказательство этому – раскаяние во время исповеди.

– Душа человека при нецензурной брани начинает чувствовать дискомфорт. Почему это происходит и как относится Церковь к сквернословию?

– Еще во II веке церковный мыслитель Тертуллиан очень точно и лаконично выразил внутренний мир человека: «Душа по своей сути – христианка». Уже при творении в человеческой душе заложен Создателем голос Божий – совесть. Это своеобразный нравственный закон, от которого человеку невозможно избавиться. Именно она подсказывает, «что такое хорошо и что такое плохо».

На всех этапах своей истории Церковь однозначно выступала против сквернословия как греха. В Уголовном кодексе матерное слово обозначено как мелкое хулиганство, а в Законе Божьем – это грех.

Что такое слово? Мы часто не придаем ему должного значения. Но на самом деле мышление не может существовать без слов. «Слово есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения. Без слова нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием». Именно эти слова были положены в начало одной из самых знаменитых книг А.Ф. Лосева «Философия имени». Слово –

это не просто сочетание звуков и не просто имя вещи. Слово – это тайна, дар Божий, выделяющий нас из животного мира. Словом можно лечить и воскрешать, укреплять и поддерживать даже тогда, когда, кажется, нет никаких надежд. Но словом можно ранить и разрушить, даже убить. Ведь слово призывает и несет в себе дух, потому что *от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34). Вот поэтому прежде чем что-либо сказать, надо хорошо подумать.

– *Сейчас пытаются доказывать, что наш народ ругался всегда. Действительно ли матерщина у нас наследственная?*

– Нет, это не так! Корни матерных слов лежат в язычестве. Большинство из них восходит к языческому культу славян, впоследствии приумноженному языческими выражениями культа монголов. Языческие обряды и соответствующие ритуальные действия всегда сопровождалась подобными словами. Там слова матерной брани носили чисто магический характер. Например, соответствующими словами, жестами и действиями вызывались духи плодородия. Выходя на брань, на войну, язычники также призывали соответствующих духов – языческих богов. Именно в этом смысле к матерным словам прилагается слово бранное.

Матерная брань в Древней Руси также использовалась в языческих мистериях и обрядах. Отсюда становится понятным, почему христианство выступает против сквернословия. По словам покровителя нашего Центра преподобного Иоанн

на Лествичника, эти «нечестивые, непостижимые и неизъяснимые слова внутри нас не душа наша произносит, но богоненавистник бес... такие слова не наши, но врагов наших».

До прихода к власти большевиков мат на Руси не был явлением господствующим. Народ в целом принял учение Христа и Его нравственные идеалы. Любое скверное слово было наказуемо. История оставила нам много интересных свидетельств. Так, в Запорожской Сечи под угрозой наказания плетью у позорного столба было запрещено употребление брани. Запрещалась она и во время казацких походов. В годы правления государя Алексея Михайловича сквернословам вырывали язык, а указом Петра I сквернословщиков секли розгами <...>. Думаю, интересным будет и тот факт, что на Екатеринославском заводе (ныне завод имени Петровского в Днепрпетровске) самый большой штраф был за матерщину, а потом – за пьянство и воровство. Тогда обществом мат воспринимался как хула на Бога и святость, как вызов Творцу, направленный на осквернение Его благ.

– К сожалению, в советский период мат как богорборческий лексикон получил широкое распространение. Если прислушаться, то где чаще всего можно услышать скверные слова?

– Во всех питейных, развлекательных и игорных заведениях, где кипят страсти и сводится на нет человеческий образ Божий. Когда забывается Бог, начинает рождаться грех, в том числе и сквернословие.

– Неужели только потеря образа Божьего приводит к нецензурной брани? Есть ли другие факторы, подталкивающие человека употреблять матерные слова?

– Все знают прекрасную пословицу: «Свято место пусто не бывает». Но многие неверно ее истолковывают. На самом деле это выражение очень глубоко раскрывает сущность всей проблемы человека. Внутренний мир человека не выносит пустоты, следовательно, от него самого зависит, чем нужно наполнить свою душу. Господь дал ему свой образ, но и при этом предоставил свободу выбора. Поэтому если человек не будет возгревать в себе желание приобрести добродетели и уподобиться Творцу, то благодать Божья его покинет и пустое место заполнится противоположным – злым и темным. Так что потеря образа Божьего – главная причина нравственного падения человека. Но есть и второстепенные: круг общения, интересы, нехватка словарного запаса, нежелание знакомиться с классической литературой, музыкой и поэзией, отсутствие нормального человеческого общения и стремление к западному образу жизни.

– Могут ли государство и научная элита противостоять распространению сквернословия? Если да, то каким образом?

– Начать надо с самого себя. Это основной принцип борьбы с любым греховным недугом. Государственным чиновникам пора повернуться лицом к своим молодым гражданам и создать

действующую систему государственной поддержки молодежи. Что же касается научной сферы, то мне известно, что подобной проблемой занимаются в Харькове и Москве. На базе институтов созданы центры, исследующие арготизмы (условные выражения и слова, применяемые обособленной социальной или профессиональной группой) и занимающиеся обсценологией (наукой о ненормативной лексике). Также психологи рассматривают этот вопрос как копролалию, то есть когда человек без причины начинает ругаться матом и не может остановиться или испытывает к этому непреодолимое влечение. Эта болезнь в психиатрии носит название по имени французского врача – синдром Туретта.

– Что вы, как руководитель культурного Центра, предпринимаете для решения данной проблемы? Чем занимаете молодежь, чтобы она забывала о мате?

– Во-первых, молодежи нужно нормальное человеческое общение. Семья как домашняя церковь, школа как храм науки и любимая работа должны создавать молодому человеку здоровую среду. Ведь человек в общении реализует самого себя. Для всех, кому небезразлично здоровое поколение, наше будущее и настоящее, центр «Лествица» предлагает посещать гуманитарный лекторий с современными педагогическими разработками и методиками. На таких встречах молодежь может обсудить все волнующие ее вопросы, посоветоваться с высококвалифицированными педагогами и священнослужителями.

Коллектив нашего Центра предлагает молодому поколению обрести себя и найти смысл своей жизни.

Разве легко быть молодым? Будем предельно откровенны, наша молодежь обладает огромным потенциалом, и... он остается не реализованным. Во все периоды истории молодежь оказывалась в авангарде перемен и с энтузиазмом поддерживала перелом старых устоев. А что сейчас? Она существует в духовном вакууме. Качественное образование – возможность для немногих. Хорошая работа в большинстве случаев достается по протекции. Даже в храме молодежь далека от состояния комфорта – не так обут, не так одет, то не знаешь, этого не умеешь, и вообще... Боюсь, что на все это молодежь ответит нам словами Гегеля: «Если моя теория не согласуется с фактами, то тем хуже для фактов». Сегодня, как и всегда, нужно понимать молодежь. Если этого не происходит и нам все в ней не нравится, значит, мы начинаем потихоньку стареть*.

* Информационный портал Украинской Православной Церкви. E-mail: info@orthodoxy.org.ua

Василий (Фазиль) Ирзабеков

Хула или скверна?

Молитва демонам

«Положи, Господи, хранение устам моим...»^{*} – эти слова из Давидова псалма приходят на память всякий раз, когда приступаю к этой теме. Сердце заходится от смятения и боли, но и молчать не вмоготу. А потому: Господи, помилуй!

Итак, речь пойдет о позорнейшем явлении нашей с вами жизни – о сквернословии и мате. Увы и ах, но с некоторых пор эта грязь стала еще и неким штампом, чуть не всенепременным атрибутом русскости – вроде пресловутых мишек да балалаек, водки да селедки. Какой ты, дескать, мужик, ежели не можешь загнуть эдакое?! Дошло до того, что примадонна российской эстрады на своем юбилейном концерте, который транслировался по общенациональному каналу телевидения для многомиллионной аудитории, позволила себе лихо пропеть матерные частушки.

«Будь проще!» – зазывно увещевают нас с многочисленных рекламных щитов ослабленные,

^{*} Пс. 140, 3.

напомаженные красавцы... Только проще уж некуда, простота эта и впрямь куда хуже воровства. Сквернословие проникло в наши жилища и дворы, школы и улицы, укромные уголки тенистых скверов и бескрайние поля, сам воздух России, кажется, напоен до предела миазмами этой заразы. Сквернословят стар и млад: отцы семейств и хранительницы очага, подрастающие мужчины и будущие матери, мальчишки, недавно расставшиеся с памперсами, и ангелочки с белокурыми локонами. Причем слабая половина нашего общества (ею почему-то упорно продолжают считать женскую) ныне дает фору мужской. Ожидающие своего благословенного появления на свет Божий младенцы еще в утробе своих матерей вместе со смрадом удушливого сигаретного дыма заглатывают грязь брани. Слово, предваряющее их начало, омерзительно и богохульно.

Как тут не вспомнить наставление святого апостола Петра, обращенного к женщинам и призывающего их к высокой миссии спасения своих ближних. Только вслушаемся: *Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие* (1 Пет. 3, 1).

Как видим, женщина во все времена была важнейшей опорой семьи, этого, по слову Святых Отцов, осколка рая на земле – а значит, и Церкви, государства, мироздания. Если же русская

женщина утрачивает свою воспетую в веках святость, на что более рассчитывать? Или, памятуя слова Спасителя: *Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?* (Мф. 5, 13).

Мат – явление не русское!

Хочу сразу поставить все точки над «i» и высказать свое мнение, которое кому-то может показаться невероятным. Однако я убежден, что в русском языке мата нет и быть не может. Да-да, вы не ослышались, мат лежит за пределами, за дальними границами той благословенной территории, которая зовется великорусским языком. И вот почему.

Вспомним, на богородичных иконах Царица Небесная изображается, как правило, с тремя восьмиконечными звездами: на челе и на плечах. Это не просто украшение, а графические символы одного из самых сокровенных Таинств нашей веры – Приснодевства Пречистой до, во время и после Рождества Спасителя. Потому и в Каноне Ангелу Хранителю взываем к Богородице со словами: *«Святая Владычице, Христа Бога нашего Мати, яко всех Творца недоуменно рождшая...»* Никак по-иному об этой величайшей тайне не скажешь. Ведь «недоуменно» – это указание на то, что она недоступна человеческому уму.

Так вот, орды завоевателей, захватившие Русские земли, но так и не сумевшие покорить душу русского человека по причине непостижимой

для них веры его во Христа и верности Ему, посягали на то, что злой варварский ум ни понять, ни принять не в состоянии, – на Таинство Боговоплощения. Да-да, именно об этой нашей Матери вели они свою похабную речь, это на Ее Небесную чистоту покушались они своими погаными устами. Закономерно поэтому, что ругань именуется еще и inferнальной лексикой, ведь «инферна» по-латыни означает «ад».

Именно по этому поводу сокрушается святой апостол Павел: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим* (Еф. 4, 29).

Кого же в таком случае хулят те, кто без всякой тени сомнения считают себя русскими?! Ту, что Своим честным омофором покрывала нас в лихую годину татарского ига и неистовства тевтонцев, коварных поляков и озверевших фашистов – словом, мрази всех мастей, которых на Святой Руси перебывало тьмы и тьмы. Ту, пред Чьим Пречистым ликом тысячелетия возжигаем свечи, моля о заступничестве, о даровании Божией милости. Ту, пред святым образом Которой горячей коленопреклоненной молитвой сонмы наших святых отмаливали и продолжают отмаливать Русь. Ту, молитвами и предстательством Которой пред Сыном, Господом нашим Иисусом Христом, и стоит донныне Россия. Ту, Которую Михаил Лермонтов назвал «Теплой Заступницей мира холодного».

И разве не к Ней до последнего дыхания, ради собственного же спасения, взываем: *«Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором!»*

Справедливости ради следует признать, что в целом ряде преимущественно тюркских языков слова, звучащие в русском языке как скверные, таковыми не являются. Правда и то, что в этих языках нет матерной ругани в том виде, как она принята у нас. Могут, правда, оскорбить конкретную родительницу отдельно взятого человека, но это, как правило, приглашение к жесткой расправе, если не к смертоубийству, – поэтому не раз подумаешь, прежде чем обругать кого-то, даже сгоряча. И только в конкретном историческом контексте, обращенные иноверцами к завоеванному ими, поруганному русскому человеку, слова эти приобрели в сознании последнего богохульный, оскорбительный смысл.

Однако эти времена давно прошли. Не настало ли для нас время сообща перевернуть эту позорную страницу? Ведь большее всего, как мы уже говорили, когда бьют по самому сокровенному, самому высокому, самому дорогому. Да, у них мата нет. Но нет и Богородицы.

К слову, в азербайджанском языке слово «мат» означает состояние остолбенения, шока, что роднит его с известным шахматным термином. И как было бы здорово, если бы все мы и в самом деле испытывали шок, услышав матерную ругань.

Займемся недоумением!

Оказывается, такие качества, как застенчивость и целомудрие, могут относиться не только к человеку, но и к языку, каковым и является язык русский. В нем попросту нет слов, обозначающих близость мужчины и женщины (понятно, что речь в данном случае идет не о гинекологических терминах). Досадно слышать, когда молодые люди сводят всю головокружительную гамму чувств друг к другу к донельзя опостылевшему заокеанскому понятию сексуальности, похоже, напрочь позабыв такие хорошие русские слова, как «желанный», «желанная». Что касается отдающего откровенной «скотобазой» и ставшего (увы и ах!) привычным, в особенности в молодежной среде, выражения «заниматься любовью», то оно, мягко говоря, граничит с некоей неполноценностью.

Объясню, почему. Любовь, как известно, чувство. А «заниматься» чувствами – ну никак нельзя. Ими можно быть возвышаемыми, охваченными, обуреваемыми, подавленными... Но «заниматься»?! Это равносильно тому, чтобы, к примеру, «заниматься ненавистью». Представьте себе такой монолог: «Хочу до обеда позаниматься ненавистью, а после планирую заняться жалостью. Ну, и перед сном, напоследок, позанимаюсь, так и быть, с полчаса недоумением – и на бочок!»

К слову, Священное Писание далеко от ханжества. Но как же воистину достойно человека, а значит божественно, названа здесь физическая

близость. Только вслушайтесь: *познал* жену! Искусство, а не «занятие».

Современные пиарщики от рекламы посягают не только на русский язык – они специализируются на иезуитской манипуляции нашим сознанием, ведут войну с высокими понятиями, намеренно принижая, опошля их, подменяя высокое – низким, великое – ничтожным. Что такое «неземное блаженство»? Оказывается, всего лишь удовольствие от съеденной шоколадки!

Очередной ролик предлагает еще одно «блаженство» – «для умножадных», где слово высокое и слово низкое по смыслу насильственно сплетены в уродливого монстра. Заметьте, даже правила русского языка для этой манипуляции нарушили, написав не так, как положено по законам грамматики: «умно-жадных», а создав новое словечко-кентавр: «умножадных». Слова-уроды, слова-кентавры, слова-змеи, испускающие свой убийственный яд в сердцевину языка...

А взять утверждение: «Изменить любимому кофе то же, что изменить любимому мужчине!» – где смертный грех уравновешен с мимолетным вкусовым ощущением.

Только ли наше невежество – источник этих чудовищных подмен?

Священник Александр Ильяшенко в книге «Как защитить вашего ребенка?»* приводит данные из издания бывшего сотрудника спецслужб

* Как защитить вашего ребенка? М. Даниловский благовестник, 2004. С. 14.

Джона Колемана «Комитет 300». В нем говорится о том, что Тавистокский институт человеческих отношений, входивший в состав Суссекского университета, и Калифорнийский научно-исследовательский Стэнфордский институт «создали специальные слова», предназначенные, в частности, «для массового управления новой целевой группой, то есть американской молодежью», «сознание которой планировалось изменить против ее воли». Делается это в полном соответствии с программой «Изменение образа человека». «Необходимо отметить намеренно вызывающий разделение язык... “Тинейджерам” и в голову не могло прийти, что все “нетрадиционные” ценности, к которым они стремятся, были тщательно разработаны пожилыми учеными в мозговых центрах Англии и Стэнфорда. Они были бы потрясены, обнаружив, что большая часть их “клевых” привычек и выражений была специально создана группой пожилых социологов».

Таким образом под разглагольствования о стихийном создании какой-то якобы особой «молодежной» культуры (а по сути – низменной субкультуры, которая стоит вне культуры) планомерно меняется образ человека. Неужели мы окажемся столь неразборчивыми и слабыми, что проглотим ядовитую наживку?

Не ругайся, братец, козленочком станешь!

Разве не слышим мы из пречистых уст Спасителя: *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36–37). Именно поэтому первое же испытание, именуемое в Церкви мытарством, которое ожидает нашу с вами душу после смерти, – ответ за сквернословие, за словесную распущенность, за лексическую грязь. Так чем же, несчастные, оправдаемся, подойдя к неотвратимому финалу?! Может, адский пламень – это еще и Великое Торжество Стыда, такого необходимого свойства человеческой души, загнанного сегодня в самый дальний, десятилетиями не метенный угол?.. Когда все существо твое и вправду будет сгорать от вселенского стыда и мучительной невозможности что-либо исправить.

Ведь **отвечать-то придется действительно за каждое слово**. В том числе и за звучащее чаще многих иных оскорбительное слово «козел», которым не пренебрегают сегодня ни стар ни млад. А знаете ли вы, что оно есть не что иное, как проклятие, адресованное ближнему?..

Священное Писание повествует нам о беседе Господа нашего со Своими учениками на горе Елеонской, когда приступили они к Нему с расспросами о кончине света и Его втором пришествии. И тогда, вслушиваясь в пророчество своего Небесного Учителя, услышали и такие слова:

Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его... И пойдут сии в мучку вечную, а праведники в жизнь вечную (Мф. 25, 31–46).

К слову, Страшным этот Суд является именно по той причине, что судить нас будут по нашим страстям. Вот и получается, что, бросив в чей-то адрес незамысловатое, на первый взгляд, обидное словечко, мы, сами того не осознавая, творим над ним суд, который нам неподвластен. Вспомним слова, сказанные Иисусом Христом в Нагорной проповеди: *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы (Мф. 7, 1–2)*. Вот и получается, что адресованное ближнему как бы невзначай расхожее грубое словцо на деле оборачивается проклятием, обращенным... к самому себе!

Устами нечестивых разрушается град

Удивительные вещи рассказывают порой врачи, имеющие дело с парализованными пациентами. Даже когда, казалось бы, полностью поте-

рян дар речи, некоторые больные произносят иногда целые тирады нецензурной брани. Как известно, человеческая речь передается по специальным нервным цепочкам. Невольно напрашивается вывод о том, что этот механизм не так прост и что в описанных случаях в дело вступают силы иного порядка. Какие – об этом можно лишь догадываться.

Как-то знакомый священник рассуждал о том, почему монахам надлежит ходить, опустив очи долу, как бы не видя и не слыша ничего вокруг. По той причине, что ничто из увиденного (или услышанного) не проходит мимо человека, а только сквозь него, оставляя нестираемый отпечаток, некое подобие матрицы, в самых потаенных глубинах памяти. Этим, наверное, и можно объяснить то встречающееся в медицинской практике странное явление, когда под наркозом воспитанные люди, никогда не прибегавшие к хуле и брани, порой сквернословят.

Об этом говорит в проповеди, произнесенной еще в 1945 году, святитель Лука (Войно-Ясенецкий): «Задача обуздания языка настолько трудна, что многие подвижники совсем отказывались говорить и становились молчаливками. А преподобный авва Агафон для того, чтобы победить свой язык, отучить его болтать праздно, говорить слова нечистые, три года носил под языком камешек и тем сдерживал его». И далее святой и великий ученый продолжает свою мысль: «Часто при чтении паремий слышите вы такие слова:

Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается (Притч. 11, 11). Что это значит? Как это может быть, что устами нечестивых разрушается целый город? Что же это, преувеличение премудрого Соломона или подлинная и глубокая истина? Это истина, которую вам надо знать. Надо вам знать, что сила слова человеческого огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. А энергия никогда не пропадает. Это знают все физики относительно энергии материальной, которая во всех видах своих не теряется. Энергия духовная тоже никогда не исчезает бесследно, она распространяется повсюду, она действует на всех. Устами нечестивых разрушается град потому, что злая энергия безудержного языка их, нечестивого и богохульного, проникает в сердца окружающих людей, заражает воздух духовный так, как воздух материальный заражается всякими миазмами. Если миазмы порождают в нас болезни телесные, то миазмы злой энергии духовной отравляют наши сердца, наши умы, всю нашу духовную жизнь... А материальное благосостояние народа всегда тесно связано со здоровым и чистым состоянием души и сердца народа. Если благосостояние праведных распространя-

ется над градом, если в сердца людей проникают их святые слова, то град возвышается, благосостояние духовное, следовательно и материальное, также углубляется и возвышается. Если же царит в душе народа духовная зараза, исходящая из уст неправедных, то злая энергия пустых, гнилых слов разрушает град не только в духовном, но и в физическом отношении... Вот поэтому так сильно говорит о языке нашем святой апостол Иаков...»

Участь злоречивых

Вслушаемся же и мы в эти проникновенные слова, с любовью и болью взывающие к нам сегодняшним сквозь тысячелетия: *Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык – небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляет от геенны. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло;*

он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду (Иак. 3, 2–12).

Рад бы утешить тех, кто в качестве оправдания готов сослаться на былое неведение. Проблема, оказывается, в том, что незнание духовных законов, как выясняется, не освобождает от ответственности. И именно об этом с суровой категоричностью предупреждает святой апостол Павел: *Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодей, ни малякии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют (1 Кор. 6, 9–10).* Что и говорить – незавидная, горькая участь оказаться в этой страшной компании.

Вспомним, многие вульгаризмы и слова-сорняки, прежде нежели получить «постоянную регистрацию» в нашем с вами лексиконе, поначалу употреблялись нами же как некая легкая издевка над речью тех, кого мы невольно пародировали, подспудно выражая этим свое над ними превосходство: интеллектуальное, эстетическое, лексическое. Да-да, та самая пагуба, изначальный извеч-

ный грех гордыни, которому не откажешь в умении маскироваться подо что угодно.

Далее же случилось то, что и должно было случиться. Мы и не заметили, как словечки, произносимые нами с подчеркнутой иронией, весь этот мусор: «чисто», «как бы», «конкретно», «в натуре», «ващце», «типа того», «короче», «вроде как» – тихой сапой вошли в нашу речь, беззастенчиво вытеснив из нее нормальные русские слова. Как тот же пресловутый «блин», не сходящий с уст даже малышей, который – не будем себя обманывать – есть все та же слегка переименованная, вульгарная брань. Как и все эти «на фига», «до фига», «по фигу»... «Для непосвященных поясним, – делится на страницах увлекательнейшей книги “От чего нас хотят "спасти" НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги”^{*} один из ее авторов Игумен N, – что “фига” означает именно ту часть тела, которую на древнегреческих статуях прикрывал листок фигового дерева».

Личина, как обнаруживается со временем, намертво прирастает к лицу. Вот и получается, что вовсе не безопасная эта штука – пародия^{**}.

* От чего нас хотят «спасти» НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги. Даниловский благовестник. М., 2007.

** *Ирзабеков Василий (Фазиль)*. Тайна русского слова. М. Даниловский благовестник, 2007. С. 45–57.

Оружие массового поражения

Геннадий Чеурин, руководитель Екатеринбургского центра экологического выживания и безопасности, в свое время высказал гипотезу о пагубном влиянии ненормативной лексики на психофизическое состояние живых организмов. Он утверждал, что матерные слова очень активно воздействуют на организм человека, со временем губя все живое <...>.

Доктор биологических наук, академик двух российских академий – Медико-технических наук и Естественных наук, директор Международного центра волновой генетики Петр Горяев подчеркивает: «Надо помнить, что любое произнесенное слово – волновая генетическая программа, которая влияет на живой организм».

И вот что важно заметить. Влияние это распространяется как на сиюминутные события, так и на очень отдаленную перспективу, то есть и на не родившихся еще детей...

Выступая на Всероссийских Иринарховских чтениях, академик Петр Горяев сообщил, что

многолетние научные исследования, проведенные ученым в Сибирской академии наук и научных центрах Канады, позволили доказать, что наш генный аппарат (молекулы ДНК) есть не что иное, как длинный ряд слов, осмысленный текст, являющийся речью нашего Творца, Создателя Вселенной.

Так что не удивительно, что **сквернословие наносит вред не только духовному, но и физическому здоровью человека.** ДНК способна воспринимать человеческую речь и читаемый текст по электромагнитным каналам. Одни сообщения оздоравливают гены, другие травмируют, подобно радиации. И если добрые слова молитвы пробуждают резервные возможности генетического аппарата, то проклятия и матерщина вызывают мутации, ведущие к вырождению. Причем ДНК не разбирается, общаемся ли мы с живым человеком или с героем телеэкрана. Любое произнесенное слово – не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая на нашу жизнь и жизнь наших потомков.

Академик Горяев, считая долгом ученого говорить правду, заявил, что распространение блудного греха, безнравственность приводят к уродству в потомстве и тотальному вырождению нации, мат – это оружие массового поражения, причем не столько убийственное, сколько самоубийственное.

«В данном случае человек должен понимать, с каким огнем он шутит. Ему необходимо дать

информацию об этом. В конце концов, ну как мы с курением, с алкоголизмом, с наркоманией боремся? Мы очень четко объясняем, что происходит с организмом. Знайте опасность. Потому что, когда мужчина употребляет эти слова всуе, надо понимать, что существует опасность снижения здоровья и для него самого, и для того, на кого это направлено», – сказал Геннадий Чеурин, человек, авторская гипотеза которого и послужила отправной точкой для научных исследований пагубного влияния ненормативной лексики на психофизическое состояние живых организмов. Он совершенно правильно обозначил различия между использованием сквернословия в историческом прошлом и в современности: «Основное предназначение – обрядово-ритуальное... Матерясь в драке или в бою, человек неосознанно призывает на помощь бесов и получает от них силу и жестокость. Но долги приходится платить, и сатана собирает щедрую дань с матерящегося воинства в виде пьянства, курения, половой распущенности. Все звенья этой порочной цепи поддерживают друг друга и ведут к смерти духовной и телесной» <...>*

* <http://blogs.mail.ru/community/phil...7BF0598754.html>

Сильным человеком считается тот, кто умеет сдерживать свое негодование, раздражение, гнев, а при яростном желании высказаться умеет обуздать, удерживать от скверных, гнилых слов свой язык. Для борьбы со сквернословием следует стараться выбирать собеседников, круг общения и тему разговора; контролировать свою речь, свои слова, особенно реплики, возгласы; говорить как можно короче и яснее; избегать ненужных повторений; научиться молчать, особенно в раздражении, и удерживать свой язык от сквернословия в гневе. Сам Господь Иисус Христос нам говорит, как действовать: ...да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5, 37). Старец схииеримандрит Иоанн (Маслов), поднося палец по очереди к глазам, уху и устам, весомо, проникновенно говорил: «Глаза, уши, язык». Это означало только одно – ограждай глаза, уши, язык. Особенно батюшка призывал каждого из нас следить за языком <...>.

Одним из средств борьбы с пороком сквернословия должно быть как можно более частое, ясное и конкретное разъяснение на всех уровнях следующих положений: во-первых, что сквернословие противоречит основам Православной веры и признается Православной Церковью тяжким грехом; во-вторых, что сквернословием совершается зло нравственное, духовное, которое гораздо больше зла физического.

Может быть, настало время общецерковной молитвы всех православных христиан о сохранении детей, народа нашего от греха сквернословия <...>.

А.И. Коротков, кандидат военных наук, профессор
ПОБЕДА.RU

Что такое мат?

Сейчас матерный язык слышен везде – в семье, на улице, в транспорте, даже люди, наделенные властью, не стесняются ругаться. Причиной для матерщины уже не являются раздражение или гнев, гнилые слова стали частью обыденной речи. Сквернословие употребляется не только в общении взрослых, но и в разговоре родителей с маленькими детьми, матерными словами «перекидываются» даже влюбленные. «Невинная» привычка употреблять мат привела к тому, что многие используют его для связки слов, вставляя мат через каждое нормальное слово, – это признак особой деградации нашей культуры, признак нашего духовного и нравственного разложения.

Издревле матерщина в русском народе именуется сквернословием – от слова «скверно». В словаре В. Даля сказано: «Скверно – мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно, нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, кал, смрад, вонь, непотребство, разврат, нравственное растление, все богопротивное». Вот куда мы

впали, отдавшись во власть смрадных, гнилых слов <...>.

Православные верующие знают, что Богородица особо просит у Господа спасения Руси, ибо Русь является одним из Ее уделов на земле. Но, молясь за Православную Русь, Пречистая Дева, разумеется, не поминает в Своих молитвах тех, кто сквернословит. Она не может молиться за тех, кто ругается матом.

Матерная ругань есть явное проявление зла в человеке, и все, для кого «мат» и «матерь» едины, должны помнить, что они добровольно служат сатане. Дьявольские силы, устремившиеся погубить Православную Русь, делали и делают всё, чтобы народ наш сам себя осквернял. Если мы хотим, чтобы наш народ не прогнил, не рассыпался бесплотным прахом, мы должны решительно отказаться от сквернословия и беречь великий Божий дар – человеческий язык.

Язык – небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геены. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда.

Слово – величайшее орудие Бога... Словом Бог сотворил все: *И сказал Бог: да будет свет* (Быт. 1, 3). Слово – орудие и человеческого творчества. Мы просвещаем и просвещаемся словом. А сквернословием сеется тьма. Апостол Павел учит: *никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе* (Еф. 4, 29). Слово должно приближать к Богу, а не удалять от Него. Нам Господь уста дал не для того, чтобы диавола прославлять. Наша речь должна быть чистой, мы должны хвалу возносить Господу, величать Матерь Божию и святых.

Когда человек говорит матерные слова, он не только оскверняет, пачкает свои уста, но и льет

Нам трудно противостоять разлагающему и стремительно разрастающемуся, словно злокачественная опухоль, греху сквернословия. Врачи же всегда говорят пациентам о том, что заболевание легче предупредить, чем вылечить. Для нас и наших детей такими средствами, укрепляющими нас и исцеляющими от страшной греховной болезни сквернословия, являются Таинства Исповеди и Покаяния. Ведь, приступая к ним с должным приготовлением, мы становимся способными восстановить, с помощью Божией, чистоту нашего сердца, которое уже не сможет служить источником зловонному потоку сквернословия, а будет только лишь чистым источником славословия и благодарения Богу.

«Информационное агентство
Екатеринбургской епархии»

грязь в уши окружающих, развращает их содержанием матерщины, наводит на дурные мысли – сеет зло, даже когда сам этого не осознает. Когда мы слышим, что человек матом ругается, то должны ему сказать, чтобы он не употреблял таких слов, но, если он нас не послушает, лучше отойти от зла, чтобы не повредить своей душе. Как сказано, *отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру* (Рим. 12, 9).

Всех, кто матом ругался, ждет ад. Они должны знать, что там, в огне, будут висеть за язык. Если у кого есть страсть к мату, то надо покаяться, и Господь поможет освободиться от нее.

Оскверняясь матом, человек отталкивает от себя Духа Божия. Устами христианин принимает Пречистое Тело и Кровь Христовы. Оскверняя матерщиною уста, освященные прикосновением к ним Тела и Крови Христовых, человек прогневляет Христа Спасителя.

Будем помнить, что устами своими мы лобызали святой Крест, святые иконы, мощи, священные книги, Евангелие. Устыдимся произносить срамные, гнилые слова устами, освящаемыми прикосновением их к великим святыням!

Необходимо сознавать, что любую речь нашу слышат не только люди, которых мы привыкли не стесняться, но слышат и Ангелы, и Матерь Божия, и Сам Господь. Неужели не устережемся сквернословия, чтобы срамной речью не оскорбить Ангелов, Богородицу, не доставить радование бесам и не прогневить этим Бога?!

Есть люди, которые думают: «Погрешу пока, а потом покаюсь». Но Господь может не дать возможности покаяния грешнику, который даже не собирался в своей жизни бороться с грехом.

Будем помнить о том, что сквернословие – начало пути к еще большему злу. Это – начало Богоотступничества.

Покаемся же искренне в этом гнусном грехе (кажущемся некоторым незначительным). Отбросим бесовское и примем Божие. Апостол Павел говорит: *...какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?* (2 Кор. 6, 14). Так где же окажется душа сквернослова по смерти?

Горе сквернословам: *Гортанъ их – открытый гроб* (Рим. 3, 13)*.

* Георгиевский листок. Львов. ПГ № 10 (151) 2001. <http://orthodox.etel.ru/2001/10/omatel.htm>

Андрей Карпов

Черная брань (слово о русском мате)

Казалось бы, русский народ матерился всегда. Передаваясь от отца к сыну, от поколения к поколению, матерные слова дошли до настоящего времени вопреки всем попыткам объявить их вне языка, запретить их употребление, то есть, иначе говоря, – убить их. Этот путь сквозь века, проделанный матерщиной, сделал ее чем-то вроде завета – завета не поддаваться цензуре, противостоять всякому авторитету и запрету, им устанавливаемому. И мы, знающие эти слова, чувствуем своего рода единство, не столько единство языка, сколько единство свободы – свободы говорить то, что нам вздумается. Сознавая, что материться – недоброе дело (до последнего времени подобная вольность речи считалась недопустимой в обществе женщин и детей), мало кто ставит целью изжить в себе мат до конца. Мы как-то не привыкли ущемлять свое чувство свободы, тем более что, имея свободу слова в числе общественных идеалов, легко дать волю своему языку.

Матерщина захватывает человека подобно стихии. И, осознавая ее народной, человек, не матерясь сам, может испытывать почти гордость оттого, что русский мат – самая крепкая ругань в мире. Так мы ее, заграницу!

Казалось бы, смешно, что то, чего мы должны стыдиться, выставляется напоказ. Однако тот факт, что о крепости мата известно чуть ли не каждому русскому, заставляет отнестись к этому серьезно. Где-то в глубине русской души сидит убеждение, что истинно русский человек должен уметь при случае матюгнуться. Считается нормальным материться при трудной работе, под матерщину – кажется – и дело идет сподручней. Споткнувшись, ударившись, люди сеют в воздух матерные слова. И вообще, чуть ли не народная мудрость гласит: когда тебе плохо, выматерись – и станет легче.

Наконец, существует и еще одна сфера приложения мата. При традиционно благожелательном отношении русского человека к выпивке, эта снисходительная благожелательность попускает пьяному и его язык. Считается в порядке вещей, что в пьяном виде человек матерится. Слушая пьяную речь, можно морщиться, но и только – с пьяного какой спрос?.. Иногда кажется, что во хмелю человек и не может изъясняться иначе. Читаем у Достоевского (Дневник писателя за 1873 год): «Гуляки из рабочего люда мне не мешают, и я к ним, оставшись теперь в Петербурге, совсем привык, хотя прежде терпеть не

мог, даже до ненависти. Они ходят по праздникам, пьяные, иногда толпами, давят и натыкаются на людей – не от буянства, а так, потому что пьяному и нельзя не наткаться и не давить; сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного. Именно этот язык, целый язык, я в этом убедился недавно, язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если б его совсем не было – его следовало бы выдумать. Я во все не шутя говорю. Рассудите. Известно, что во хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного или у всякого не как стелька пьяного человека почти удесятеряется. А потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворить этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси». Конечно же, это – мат.

Оставив в стороне восторги исследования, возьмем у Достоевского лишь голую мысль о внутренней связи пьяного состояния и матерной ругани. Получится простое правило: чем больше народ спивается, тем больше он матерится.

Общая картина такова. Средняя русская речь, та, которую можно слышать на улицах, обильно

помечена матом – в различных контекстах и по самому разному поводу.

И все-таки, несмотря на высокую частоту матерных слов, матерщина не стала нормальным употреблением языка. Она даже не стала нормой в отношении ругани. Народ определил матерщину как «черную» брань. И это не просто эпитет, а интерпретация мата. Черный цвет – не просто один из многих в палитре мира, он противопоставляется белому как цвет зла цвету добра. То, что называется черным – особенно лишенное природной окраски, – тем самым относится к активному проявлению зла. И если мат – ругань «черная», то он в народном сознании, в отличие от всей другой ругани, представляет собой активное зло.

Чтобы понять, что его делает таковым, надо внимательнее к нему приглядеться, а чтобы выделить его из общего фона ругани, надо понять, что такое ругань вообще.

* * *

Ругань протivoестественна. Хотя ее и можно считать своего рода применением языка, причем достаточно распространенным (бранные слова и выражения присутствуют, наверное, во всех языках мира), по своей сути она противоречит всему языку. Брань и язык решают задачи прямо противоположные. Цель языка состоит в объединении людей. Люди говорят между собой, чтобы лучше понять друг друга. Без этого

невозможно жить и действовать сообща. У ругани цель иная: ее задача – не сблизить, а, наоборот, разобщить людей, провести между ними границу. Бранясь, человек показывает другому, что тот зря претендует на понимание. Он должен держать дистанцию, знать свое место. И место это может оказаться самым ничтожным.

Для современного человека нет ничего удивительного в том, что язык позволяет ему держать всех на расстоянии и не подпускать никого близко к своей душе. Но это добровольное отчуждение возможно лишь в благоприятной среде. Когда же жизнь такова, что враг или природа могут в любую минуту отнять ее у тебя, когда чужое проявляет себя в полную силу, тебе необходимо свое и свои, чтобы не противостоять опасности в одиночку. В таких случаях отчуждение равносильно самоубийству. Но если прошлое не позволяло человеку держать себя наособицу, то как объяснить, что именно из этого прошлого человек вынес привычку ругаться?

Исходной точкой возникновения ругани можно считать схватку с врагом. Брань – это не только обмен ругательствами, но и битва, сражение. И сегодня «поле боя» и «поле брани» для нас синонимы. В древности, встречаясь с противником лицом к лицу, человек не сразу пускал в дело оружие. Исход боя неясен, и тот, кто идет на бой, знает, что битва может закончиться для него смертью. Поэтому и возникает непосредственно перед схваткой пауза, хоть немного отдаляющая

сам поединок, а вместе с тем и смертельный его исход для кого-то из поединщиков. И в этот момент вместо оружия идут в дело слова. Если поединщики говорят на одном языке, они могут хвалиться своей сноровкой и силой, пытаясь запугать врага и тем стяжать себе психологическое преимущество.

Татарский хан – Идолище – из русской былины хвастается:

Был бы здесь Илья Муромец –
Так я бы его на одну руку клал
Да другою бы рукою прихлопнул.
Он бы как блин стал.
Да и сдунул бы я его в чисто поле.
Я-то – Идолище – расту две сажени печатных.
А в ширину – сажень печатная.
Голова у меня – что пивной котел,
А глаза – что чаши пивные.
Хлеба я ем по три печи в день,
А зелена вина пью по три ведра медных...

Оставить похвальбу противника без комментариев – значит признать, что он тебя превосходит, проиграть словесную схватку. Отвечая, можно похвалиться самому, а можно свести его хвастовство на нет, опрокинув слова словами.

Илья Муромец отвечает нахвальщику-Идолищу:

А как у нас у купца ростовского
Была корова обжориста:
Много она ела, пила, да тут и треснула.

Это насмешка. То, что Идолище ставил себе в заслугу, то, что должно было подтвердить его

богатырскую мощь, Илья Муромец высмеивает. Это шаржирование, создание портрета из недостатков имеет самое непосредственное отношение к ругани. Само слово говорит об этом: «поругаться» изначально значило «надсмеяться». До сих пор эта «надсмешка» составляет один из действенных бранных приемов. Назвать человека по его недостатку (обращение к человеку в очках – «эй ты, очки!»): обидчику – смешно, жертве – обидно.

Но в силу того, что этот прием прост, он не только наиболее распространен, но и наименее злобен. Ближе к нему стоит брань иного рода. В уличной суете, назвав человека хамом, можно не заметить, что ты ругнулся. На самом же деле именем хама мы уподобили жертву нашего обращения библейскому персонажу, прославившему себя не лучшим образом.

А ведь механизм уподобления позволяет лишить того, против кого он обращается, даже облика человека. Мы намекаем на эту возможность неуклюжему человеку, когда говорим: «Ты как слон в посудной лавке». Назвав же человека свиньей, мы больше не утруждаем себя метафорой, мы прямо утверждаем тождество между нашей жертвой и этим животным. И речь идет не о сходстве, не о близости черт – если поведение человека позволяет сравнить его со свиньей, это слово прозвучит менее обидно, чем адресованное человеку вне всякой мотивации, просто по злобе. Бранясь «свиньей», обидчик желал бы, чтобы его жертва,

быть может, человек достойный, впал в свинство, чтобы это имя действительно подходило к нему. Назвать «свиньей» – это втайне желать видеть в человеке свинью.

В «Алисе в Стране чудес» есть сцена, где ребенок – дитя Герцогини, – то и дело называемый «поросенком», действительно становится им. Это смешно, потому что привычно провинившегося ребенка называть «поросенком», но никаких превращений в обычной жизни не происходит. У Кэрролла это – игра со словами, но ведь и брань – это своего рода тоже игра со словами. Вопрос лишь в том, что люди ожидают от слов.

Если допустить, что слова могут изменять мир, не стоит их высказывать так легко – ведь придется отвечать за каждое действие вылетевшего слова. Если слова имеют силу действия, можно превратить человека словом в свинью. Впрочем, и в обыденной жизни, сея брань и рождая обиду, бранчивый способствует освинению мира. Некоторые же формы брани прямо построены на ожидании эффекта от сказанных слов.

По существу, такая брань представляет собой магические формулы, предназначенные творить зло. Их структура включает в себя обращение к человеку и пожелание несчастий, которые должны с ним случиться.

Когда эти формулы возникли, люди верили в их силу, поэтому, скорее всего, немногие пользовались ими. Тот, кто прибегал к ним часто, был

колдуном. Если же такую формулу произносил обычный человек, то это было вызвано тем, что выходит за пределы обыденной жизни, и поэтому неудивительно, что от такого события ждали последствий, способных потрясти мир или хотя бы перевернуть жизнь и погубить ненавистного человека.

Вкладывающий в проклятие свою душу этим делал ее причастным злу, которое пророчил другому. Эта сторона проклятия, хорошо осознаваемая нашими предками, делала его особенно страшным. Проклиная, человек как бы подводил под своей жизнью черту, отдавая все свое будущее той темной силе, которая взамен должна была сокрушить врага. Две жизни приносились на алтарь мести, человек срывался в бездну и увлекал в нее другого. Эта ожесточенная самоотверженность заставляла замирать в мистическом трепете всех свидетелей этой ужасной минуты. Проклятие, исторгнутое на смертном одре, было еще более страшным. Человек призывал мечь ценой своей бессмертной души, уже не имея времени на покаяние.

Сегодня острота переживания проклятия утрачена. Люди готовы призывать друг на друга разверзшиеся небеса по мельчайшему поводу, не замечая мистического характера произносимых ими слов. Некоторые магические формулы потеряли адресность и даже содержание, осталось лишь выражение некой угрозы: «Да чтоб тебя!» – говорит человек, споткнувшись о торчащую из

земли проволоку, и не замечает, что оказался на пороге проклятия.

Матерщина по своей структуре подобна проклятию, она тоже – магическая словесная формула. Матерная брань наиболее оскорбительна, когда не скрывает этой своей природы, когда она адресна и действительно направлена против конкретного человека. Но чаще она прячет свое лицо.

* * *

На первый взгляд, в мате нет ничего магического. Матерщина, как определяют ее словари, – это просто слова определенного содержания. То, что речь человека может быть густо усеяна ими, не представляет из себя никакой загадки. Подобным же образом в языке существуют многие слова-паразиты.

Человек, не умеющий говорить связно, испытывает затруднения на стыке слов. То, что он хочет сказать, находится в его уме. Мысли сталкиваются одна с другой, накладываются друг на друга, не зная никакого порядка. Речь же требует, чтобы из этого хаоса человек вытянул, как нитку из пряжи, определенную последовательность слов. Речь линейна, нельзя сказать всё сразу, но только – одно за другим. К тому же от того, как выстроятся слова, зависит понятность сказанного. Речь должна соответствовать грамматической модели, принятой в языке. Профессиональный оратор не задумывается над этим, для

него не составляет проблемы высказаться. Сам переход мысли в речь для него столь же естественен, как привычка дышать. Человек же, не привыкший говорить длинные речи, испытывает затруднение всякий раз, когда ему приходится что-то рассказывать. И в тот момент, когда у него на языке не оказывается нужного слова, с него соскальзывает слово-паразит, не давая речи оборваться молчанием. Прервать молчание, начать говорить заново требует бóльшего расхода энергии, чем продолжение речи. Пустые слова, образуя мостик между словами, которые что-то значат, выполняют роль смазки, сохраняют непрерывность речи и тем экономят говорящему силы.

Чаще всего в роли таких слов используются указательные частицы – «это», «вот». Слово «значит», которое в современном языке часто превращается в «смазку», тоже своего рода указание. Оно служит переходом от знака, имени, выражения к тому, что ими обозначается. Превращаясь в слово-паразит, оно теряет содержание, на которое должно указывать. Такое указание ни на что наиболее удобно для заполнения провалов в речи. Оно побуждает слушателя не терять внимания, как бы обещая ему, что речь все-таки доведут до конца.

Помимо указательных слов, роль «смазки» играют и другие, начиная от общераспространенного «ну» и кончая диалектическими и специфическими («дык» и т. п.), с помощью которых

писатели так любят создавать колорит речи своих героев. Такие частицы изначально лишены самостоятельного значения, они имеют его только по отношению к другим словам, сообщая им различные дополнительные оттенки. Потеряв связь с другими словами, частицы остаются лишь устойчивыми сочетаниями звуков, не означающими ничего. Обнулить их смысл довольно легко, достаточно просто вырвать их из контекста. Используемые в качестве «смазки», они не тянут за собой никакого значения, к тому же они, как правило, невелики по длине, что снижает затраты энергии, расходуемой впустую.

Матерные слова имеют совсем другую природу. Они принадлежат к разряду табуированных слов. «Табу» – слово полинезийского происхождения. В современном языке им легко могут назвать любой строгий запрет. Однако то, что для обозначения запрета, играющего значительную роль в традиционных архаических обществах, потребовалось особое слово, подсказывает, что здесь дело не только в строгости. В полинезийском обществе человек, нарушивший табу, подлежал жестокому наказанию, нередко – смерти. Почему? Не потому, что он преступил установления общества, – это лишь внешняя сторона, видимая, но вторичная. Хотя табу и налагалось людьми, это были не просто люди. Это были вожди; однако право налагать и снимать табу определялось не самим авторитетом вождя, а тем, что создавало этот авторитет. В Полинезии

вождь считался обладающим особой сверхъестественной силой – маной. Именно обладание маной и делало человека вождем. Всё, в чем, по убеждению полинезийцев, заключена мана, они считали святым. И эту святость требовалось защищать. Ману можно было утратить, и чтобы этого не случилось, как раз использовалось табу, путем запретов регулирующие отношения человека и сверхъестественного.

Таким образом, слово «табу» может быть с полным правом использовано нами за пределами полинезийской культуры только в том случае, если обозначаемые этим словом запреты регулируют не человеческие отношения, а отношения человека с миром сверхъестественных сил.

Использование слов занимает в этих отношениях не последнее место. Слово, если это существительное, выполняет прежде всего функцию имени. Назвать по имени – это то же самое, что окликнуть, позвать. И если человек слышит зов, лишь находясь поблизости, сверхъестественные силы услышат всегда. Поэтому, например, человек боялся называть смерть своим именем (если услышит – может прийти) и называл мертвого покойником, усопшим, используя метафоры там, где не решался говорить прямо. Народ, живший среди лесов, почитал самого грозного зверя – медведя – за хозяина леса. Охотясь на него, люди все-таки не рисковали называть его по имени и пользовались метафорой, чтобы тот не отнес на свой счет приготовления к грядущей охоте.

Зверь был столь страшен и имя его оказалось под столь строгим запретом, что было забыто, и теперь мы называем его медведем – медоедом, что, конечно, только метафора, иносказание, а не имя.

Табуировались не только имена: кровь никто не считал существом. Ее никто не призывал и никто ее не боялся. Однако отношение к крови не могло быть простым, ведь с ней была связана жизнь. *Кровь есть душа*, сказано в Библии (Втор. 12, 23). Кровь проливаемая священна. Будучи священнодействием как у древних евреев, так и у народов языческих, пролитие крови требовало к себе особого отношения, а следовательно, и особого языка. В обыденной жизни не могли звучать те же слова, что произносили жрецы. И кровь называли «рудой» – по ее цвету, хотя, по-видимому, запрет на слово «кровь» и не отличался особенной строгостью.

То, что матерные слова подлежат табу, свидетельствует об их сакральной природе. Корни матерщины лежат в язычестве. Не все слова, которые мы сегодня считаем матерными, восходят к языческому культу, но тем, что люди матерятся, мы обязаны скорее всего ему. Языческие обряды, посвященные самым разным богам, часто принимали формы, оскорбляющие нравственное сознание обыкновенного человека. То, что творилось во имя богов, не могло происходить в обыденной жизни, это бы сочли преступлением. И хотя в обыкновенной жизни отношения между полами регулировались общественными

установлениями, призванными обеспечить стабильное существование общества, во время языческих праздников, как правило, посвященных богам плодородия, практиковалось всевозможнейшее бесчинство. Часто оно облакалось в формы мистерий, охватывающих лишь посвященных, но всегда носило сакральный характер. Мистерии учинялись не ради самого разгула страстей, но ради богов. Этому своего рода «священнодействию» соответствовал и особый язык. Эта непотребная, похабная речь, немыслимая в обыденной жизни, была нормой общения во время языческого празднества.

Впрочем, возможно, в языческую эпоху матерные слова не были табуированы. Слово «руда» не вытеснило слово «кровь». Это означает, что запрет, если он и существовал, нарушался. Аналогичным образом языческая культура, испытывающая сильнейшее давление на нравственность со стороны своих обрядов, возможно, допускала похабство и в обыденной речи.

Слова не исчезают бесследно, поэтому квартира, где постоянно слышится брань и сквернословие, в духовном отношении становится похожей на общественный туалет, который никогда не убирается. Но самое страшное то, что адаптация к зловонию делает свое дело, и для сквернослова брань звучит как бодрящая музыка.

Рафаил (Карелин), архимандрит.
«Тайна спасения. Беседы о духовной жизни»

Ситуация резко изменилась с принятием христианства. Идеал нравственности, воспринятый вместе с православной верой, обязывал обуздать речь. Тому языку, что славит Бога, не пристало блудить словами. Матерные слова должны были выйти из употребления. Однако этого не случилось.

По законам лингвистики жизнь слова в языке определяется его употреблением. Если матерщина была частью языческого культа, с прекращением идолослужений, то есть с исчезновением той ситуации, в которой употреблялись эти слова, они должны были устареть и исчезнуть. Но и в том случае, если мат допускался в обыденном употреблении, он был жестко привязан к «постельной» теме. «Перевод» этой темы на язык христианского брака также должен был уменьшить, а не увеличить частоту употребления матерных слов. То, что случилось в действительности, свидетельствует о том, что мат – не просто языковое явление.

Сквернословие – грех. А грех – это не всегда преступление общественных установлений, то есть нарушение морали, а преступление Завета между человеком и Богом. Нарушение запрета, установленного Богом, а не человеком. Первый запрет человек нарушил еще в раю. Хитрость змия проявилась в том, что он обратил внимание на запретное дерево как на что-то особенное. Когда отец запрещает сыну есть ядовитые ягоды, эта заповедь просто принимается к сведе-

нию и не искушает ребенка. В самом запрете нет искушения. Искушение начинается тогда, когда мы начинаем подозревать, что запретный плод имеет свои хорошие стороны. Адам и его жена знали, что от дерева познания добра и зла они не должны есть, потому что *смертью умрут* (см.: Быт. 2, 17). Но вот речи змия заставили их посмотреть на это дерево по-другому. *И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел* (Быт. 3, 6). Грех проник в человека, и человек познал сладость греха. Эта сладость заключается в том, что, как оказалось, человек может по своей воле нарушить запрет, установленный волей Бога, как бы поспорить с Богом и настоять на своем. Это ложная сладость: она выглядит как обретение свободы, хотя есть лишь отпадение человеческой воли от воли Божией. Свобода воли становится заметной, потому что воля бунтует. Бунт разрушителен, последствия бунта смертельны, но существует упоение бунтом. В бунте человеческая воля достигает наиболее яркого своеобразия, но, так как это своеобразие заключается в отпадении от Бога, результат на поверку оказывается безобразным и мерзким.

В этом суть сквернословия. Употребляя запрещенные, мерзкие слова, человек противопоставляет себя Богу, демонстрирует свою, особенную волю, как бы повторяя грехопадение первого человека.

Следует думать, что в первые века христианства матерщина была на Руси явлением более редким, поскольку воспринималась как преступление и самим сквернословом, и обществом. Матерясь, человек публично оскорблял Бога и

Иногда сквернословы и срамословы считают себя верующими, говорят, что они христиане. Это ложь! Не может в скверном сердце, из которого изливается нечистота, пребывать благодать Божия. Ибо, по слову пророка: В злохудожну душу не увидит Премудрость Божия (Прем. 1, 4).

Как же нам избавиться от этой скверны? В первую очередь те, кто не произносит этих слов, должны останавливать сквернословов, которые сеют направо и налево словесную нечистоту. Ибо сказано: через нечестивого человека город разориться может. Потому что нечестивый вносит соблазн в души других людей, и там, где эта скверна распространяется, уже не может находиться Господь со Своей благодатью. И уж, конечно, нам с вами, всем, кто приходит сюда, в церковь, для того, чтобы помолиться, вовсе не пристало сквернить нечистыми словами уста, которыми прославляем Господа. Ведь каждый из нас, если бы ему подали хорошо приготовленный, вкусный обед, но в грязной посуде, конечно бы, отказался от него. Так же и для Господа. Если человек от скверны словесной переходит к молитве, да еще прикасается к Чаше святой, то он ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем (1 Кор. 11, 29).

Протоиерей Александр Дронов († 1988)

получал жалкое удовлетворение от того, что тварь бросает вызов своему Творцу.

Поэтому неудивительно, что мат и содержательно развился в прямое оскорбление святыни. То, что получило название «забористого» мата, связано с обращением грязных слов на то, что должно быть дорогим для каждого человека. Язык матерщинника оскорбляет мать, Богородицу и Самого Бога. Насколько подобные обороты были свойственны матерщине, говорит само ее название. Несомненно, «мат» означает «ругать по матери». Умение составить изощренное ругательство считалось (да и до сих пор считается) особым искусством. Про такого «умельца» могут сказать: «Во дает!» или «Уж ругаться-то он умеет», и за этими словами стоит тайное восхищение грешника. Выражение «забористый мат» также пронизано подобным восхищением: «Во забирает!», что может означать: «Во дает!»

Не как языковое явление, а как грех мат получил свое широчайшее распространение. Это выглядит даже как месть: народ, принявший сердцем православную веру, получил тяжкую болезнь языка. Матерщина – черная сыпь, терзающая русский язык. Матерные слова – не просто слова-паразиты. И хотя они часто выполняют роль «смазки», не в этом их основная роль. Прежде всего от слов-паразитов их отличает то, что они не потеряли своего исходного блудного смысла. В каком бы месте речи матерные слова ни находились, они постоянно проповедают блуд, что

ощущает всякий произносящий и слушающий. Благодаря им любая тема становится скабрёзной, любой разговор – похабным.

Более того, матерные слова являются самыми продуктивными основами для словообразования. Матерная лексика – живая, она подталкивает человека к производству новых форм. И эти формы не остаются без употребления. В употреблении же они вытесняют слова нормальной речи.

В языке это явление существует и за пределами мата. Слово «дело» способно заменить любое действие, совершаемое человеком. Ещё шире сфера применения таких слов, как «штука», «вещь». Пустейшее слово «ерунда» может заменить название любого предмета. Все эти слова – свидетельство бессилия человека выразить свою мысль. Их использование делает речь невыразительной, пустой. Каждое такое слово указывает на место провала, где человек не справился со своим языком и оставил смысл без выражения.

Матерная речь во многом сохраняет черты подобных оборотов, однако она вся исполнена экспрессии, она агрессивна. По-видимому, ее следует признать первичной по отношению к «пустому» употреблению слов типа «штука», «ерунда», которые замещают не значимые слова русского языка, а уже запретные матерные выражения.

Можно сказать, что матерщина ведет самую настоящую войну против русского языка. Она способна расширять свой словарный запас, име-

ет свои устойчивые словесные формы и фразеологизмы. Острие мата направлено на замещение простых, наиболее употребляемых слов. В конечном счете, матерщина претендует на то, чтобы создать свой язык, параллельный русскому языку, или пропитать собой весь русский язык, слившись с ним в блудном экстазе. Мат представляет собой определенный стиль речи. Распространенный среди простого народа, не тронутого образованием, он стал своего рода символом народности языка. И в качестве такового сегодня выглядит привлекательным даже для интеллигенции.

Употребление мата разграничивает «своих» и «чужих». И если человек ищет доступа в какое-то общество, где распространен мат, он вынужден применять матерный стиль. Он вынужденно учится мату, пока материться не станет его привычкой. Сегодняшний матерщинник и не мыслит быть бунтарем – наоборот, он жаждет не отличаться, быть таким же, как все. Мат уже не звучит как бунт против Бога. Это ему позволяет прекрасно себя чувствовать и в светском, атеистическом обществе.

Тем более кажется важным указать на его суть.

* * *

Подведем итоги. Матерщина – не просто ругань, стремление одержать верх над противником в словесной стычке. В конечном счете она

направлена не против людей, а против Бога, за что и получила именование «черной» ругани. Материться – значит ругаться «по-черному». Черный цвет еще с дохристианских времен относился к силам зла. Поэтому мат носит чисто магический, сакральный характер. Он – элемент служения сатане, контрабандой проникший в светскую жизнь. Каждое матерное слово – это хуление Бога и прославление сатаны. Поэтому не случайно, что нецензурные слова у матерщинника заменяют молитвы. В сложные минуты, в тяжелом труде он не ищет помощи в обращении к Богу, а матерится. Всплеск энергии в матерном слове – и дело движется, хотя толкает его зло, которому тем самым отдает себя человек. Работа со злостью может быть эффективной. В результате воспитывается условный рефлекс: плохо тебе – матернись. Так человека отучают от Бога.

Поэтому следует сказать четко и ясно, что матерщина – это служение сатане, которое человек осуществляет по собственной воле и публично. Возможно, что это достаточно страшно, чтобы сподвигнуть человека обуздать свой язык*.

* <http://kulturolog.narod.ru/rusmat.html>

Приложение

Когда в руки попадают проповеди, поучения конца XIX – начала XX века, причем безразлично кем написанные – известным проповедником или сельским батюшкой, всегда заметны некоторые отличия от произведений сегодняшнего дня. И, пожалуй, главное – это большой фактический материал, т. е. примеры, взятые из собственной пастырской деятельности или другого священника. Они, пастыри того сложного предреволюционного времени, как никто умели наблюдать. И наблюдать не с праздным любопытством постороннего, но со вниманием и любовью отеческой.

Священник Александр Жуков

Беседа о сквернословии и о матерном слове

В одной из древних рукописей есть такое сказание: был один человек, именитый по званию и добродетельный по жизни, звали его Стефаном. Он имел одну дурную привычку – браниться нечистым словом. Раз пришел он откуда-то домой усталый и расстроенный и с гневом крикнул своему рабу: «Эй ты, диавол, разуй меня!» И вот, лишь только произнес он эти нехорошие слова, как сапоги сами собой стали с великой силой сниматься, так что затрещали не только голенищи, но и самые кости Стефановы... Стефан начал громко кричать, на его голос сбежались домашние, и тут-то стало всем понятно, что тот, чьим именем назвал Стефан своего раба, сам явился к его услугам и сорвал с него сапоги, сознал и Стефан свой грех и с ужасом взывал бесу: «Иди прочь от меня, злой слуга! Не тебя я звал, а раба моего купленного!» Бес удалился, но и сапог уже не было, их потом нашли в непристойном месте...

Сказание это очень поучительно. И в самом деле: как не быть около тебя бесу, когда ты поминутно его поминаешь? И как не удалиться от

тебя святому Ангелу-Хранителю, когда ты постоянно его оскорбляешь? Приятно ли ему, святому и чистому, слушать твои нечистые и богомерзкие речи? Поверь, несчастный сквернослов, что если бы Господь Милосердный еще не покрывал тебя особой Своей милостью, то бес давно уже похитил бы и саму душу твою, как свое достояние. Но ведь и Господь терпит, терпит тебя, да и перестанет терпеть... Он ждет твоего покаяния, он ожидает, пока ты образумишься, бросишь свою мерзкую привычку, а если ты не бросишь, то – смотри, чтобы Он не отнял от тебя благодати Своей <...>.

Стыдно нам, православные; а люди добрые недаром говорят, что нигде в целом свете не найдешь такого сквернословия, как у нас на Руси Святой! Зовем мы себя православными христианами, содержим веру святую и правую, а языка своего даже в этом-то удержать не можем! Ведь турки и татары неверные – и те не бранятся так, как бранятся у нас... И вот еще что особенно горько: наши сквернословы не разбирают ни места, ни времени. Идете вы утром, в полночь, во время совершения Божественной литургии, в будни и праздник, если стоит где толпа народная, – обходите ее подальше, иначе слух ваш непременно оскорблен будет срамным словом. И никому нет дела до бесчинствующих! Как будто так и следует быть! Да еще что бывает? Многие родители даже при собственных детях и в своем доме – а дом христианина слово Божие называет до-

машней церковью, – позволяют себе сквернословить, вследствие чего и самые дети не отстают от родителей в сквернословии! Вообще матерное слово, особенно у простого народа, служит точно вместо какой-то необходимой приправы, вместо соли, во всяком разговоре, деловом и шуточном; и в гневе, и в дружественной беседе, у пьяных и трезвых, – всюду оно, поганое, противное, оскорбительное для Бога и всякого целомудрого слуха. Удивляться надо, как это вошло оно в такое всеобщее употребление, несмотря на бессмыслие его и мерзость. Как мог дойти человек до такого безумия и бесстыдства, чтобы публично клеветать на себя и на других, позоря при этом священное для каждого имя матери? Не даром, по замечанию людей опытных, от матерного слова и скотина отвращает слух свой. А что должен чувствовать, слыша срамословие людское, человек богобоязненный, особенно благочестные и целомудренные женщины и девы? Вы, срамословы, не хотите подумать о том! Послушайте же, какое грозное слово изрекает на вас святитель Златоуст: «Как бы кто-нибудь, извергающий из уст нечистоту, так и ты делаешь себя отвратительным. Ибо если сия нечистота так отвратительна, то подумай, как отвратителен должен быть источник этой нечистоты, а этот источник есть сердце: *от избытка бо сердца уста глаголют* (Мф. 12, 34). Прискорбно мне видеть эту мерзость, а еще прискорбнее то, что некоторым она вовсе не кажется нечистотой. Хочешь ли знать,

сколь велико зло – говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. Ибо что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Ты включаешь себя в разряд скоморохов и распутных женщин. Но и распутные женщины имеют более стыда, нежели ты. Как же ты можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными словами возбуждаешь в ней распутные мысли? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе, а когда душа твоя столь смрадна, скажи мне, как ты дерзаешь приступить к Тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, поставил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы. Скажи теперь, уже ли ты не думаешь прогневать Бога, когда гнуснейшие всякого нечистого сосуда произносишь слова на сей трапезе Его? Ибо уста наши не трапеза ли Божия суть, когда мы приобщаемся Таинства Евхаристии? Да и как может быть иначе? Ибо ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как слова мерзкие и скверные, ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова, ничто так легко не разрушает целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннейшие всякого трупа, и через них убиваешь самую душу твою». Вот как

строго вразумлял святой Златоуст сквернословов, живших в его время.

Между тем в его-то время матерное слово не было так распространено, как теперь. А что бы он сказал, если бы явился среди нас да послушал, как к каждому слову приплетают эту мерзкую, отвратительную брань православные русские люди? И все это из-за чего? Удовольствие ли, польза ли, нужда ли какая в скверном слове? Вор ворует хоть из корысти, пьяница хоть улаживает свою гортань, ну а ты, несчастный, из-за чего сквернишь свои уста, губишь свою душу? Вот уж поистине безумие, какого и у бессловесных животных не встретишь!

«Матерным словом, – говорит один учитель Церкви, – оскорбляется священное имя матери. Первая Матерь наша есть Пресвятая Богородица, наша общая Заступница; другая мать – та, которая в болезнях рождает нас и заботится о нашем воспитании; третья, общая для всех мать, – земля, дающая всем нам пищу, одежду и жилище». О произносящем скверные слова человеку Ангел-Хранитель плачет, диавол же радуется; от такого Пречистая Богородица отнимает Свой Покров; на такого Бог посылает различные напасти и несчастья.

Итак, молю вас, братия, обуздывайте язык свой от этого злого обычая. Послушайте слова Евангелия: *...за всякое праздное слово, а о гнилом уж и говорить нечего, люди дадут ответ Богу в день судный (Мф. 12, 36), а посеми всяко слово*

гнило да не исходит из уст ваших (Еф. 4, 29). Послушайте, что говорит еще Книга Притчей: *усты нечестивых раскопается град* (Притч. 11, 11), – значит, ради нечестивых сквернословов страдают грады и веси. Сугубое же наказание за матерное слово для человека то, что от него отступает благодать Божия, и благословение Божие уж не почивает на таких, если они не раскаиваются и по раскаянии не воздерживаются от сего*.

* Троицкий листок № 88 // Троицкие листки. Духовно-нравственное чтение для народа. № 1–200.

Иоанн Полисадов, протоиерей

Кто учит людей срамословию?

...отложите... срамословие от уст ваших.

Кол. 3, 8

Скажите, люди православные: кто дал первому человеку дар слова, кто научил его говорить? Сам собой он этого выдумать не мог; научиться было не у кого: откуда же у него взялось такое неоцененное сокровище, как слово? Оно дано ему, конечно, от Бога. Это Он, Премудрый, создавший словом Своим всю вселенную, это Он украсил даром слова и первого человека, тем отличил его от прочих земных тварей бессловесных и бездушных. Именно так: слово – от Бога! Откуда же у человека взялись слова недобрые, гнилые, оскорбляющие богоподобие природы человеческой? Конечно, от врага и губителя рода человеческого – от дьявола.

Да, ему, вселукавому, завидно стало, что Господь по благодати Своей так щедро наградил Свое высшее создание земное, то есть человека, разве малым чем умаленного от Ангела. И вот он, нечистый, скверный и омерзанный, после

первого греха, в который ввел соблазном первых двух людей, мало-помалу стал внушать потомкам их то нечистые мысли, то скверные слова, то злые действия. Пока человек был в невинном и блаженном состоянии, он употреблял слово только на прославление Божие, на благодарение Творцу за Его великие совершенства и благодеяния да на беседу с Ангелами. А затем, после падения, выражал он этим словом свое сожаление о грехе своем, свое пред Богом покаяние, свои нужды, свои надежды на спасение в обетованном Искупителе. Но диавол, будучи не в силах отнять у человека то, что дал ему Сам Бог, то есть лишить его дара слова, извратил в нем эту высшую способность души и вместо прославления имени Божия заставил человека выражать только ропот и хулы на своего Создателя; вместо чувства скорби и раскаяния внушил ему только смех, кощунство, осуждение и злоречие и вместо сладостной молитвы научил его гнусному срамословию. Стало быть, когда ты, слабый и несчастный человек, все носящий на себе пречестное имя Христово, своими устами произносишь всякую нечистоту, брань, хулы и оскверняешь воздух иногда такими мерзкими словами, от которых и бессловесное животное отворачивается, тогда – подумай хорошенько, да скажи по совести: кого ты потешаешь, кого ты слушаешь тогда? Кого, как не диавола, которого, без всякого сомнения, эти скверные слова твои услаждают донельзя!.. И вот что особенно больно: говорят, ни у одного

народа в мире нет такого срамословия, как у нашего народа русского, который называет себя православным. Да, у наших простолюдинов не только в ссоре или драке, но часто и в радости и в дружбе, даже и в разговорах о том, что должно бы возбуждать одно благоговение пред Богом, нередко слышится сквернословие, без всякого стеснения перед окружающими лицами, будь тут духовные или светские, девицы ли целомудренные или дети и младенцы непорочные, свои ли или чужие. Иной даже щеголяет этой мерзостью, так что человеку благородному со стороны бывает стыдно за такого сквернослова, который явно унижает, хуже скота ставит свою природу человеческую и делается опаснее всякого прокаженного. Поэтому святой апостол Павел повелевает нам бегать таковых людей. А как их избежишь, когда зараза сквернословия, особенно при пьянстве, у нас почти на каждом шагу? Что же за причина такому широкому распространению этой скверной привычки к срамословию?

Думается, что враг рода человеческого там-то и сильнее действует, где видит крепкие оплоты против себя в истинной Церкви Святой. Не имеет он возможности разрушить то, что Сам Бог хранит Своей силой; и вот, лукавый старается ослабить и разрушить Божие воинство, влагая в его душу вместе с грязными словами и нечистые мысли и чувства: при этом ему становится уже легко одерживать свою победу на погибель этих душ, которые он успел растлить и осквернил ядом злословий и срамословия.

И как это можно нам-то, людям православным, сквернить свои уста этим срамословием и этой гнилью, уста, помазанные миром при Святом Крещении, уста, которые дал нам Господь для прославления имени Его, для лобзания креста, святых икон и пречистых язв Его, для принятия небесных страшных и животворящих Его Таин – пресвятого Тела и пречестной Крови Его, для песнопения Ему не только на земле, но и на небе, вместе с небожителями! О, какой великий, тяжкий грех это сквернословие... Да прилипнет, христианин, язык твой к гортани твоей, если ты осмелишься употреблять его, как бритву, изощренную и ядом отравленную, на погибель души своей и душ невинных, целомудренных! Нет, всяко слово гнило, даже праздно, да не исходит из уст твоих (см.: Еф. 4, 29), ибо Сам Господь сказал, что *за всяко слово праздно, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово*, то есть великий пред Богом ответ, в день судный (Мф. 12, 36). Особенно берегись, чтобы гнилые, скверные твои слова или рассказы, поговорки и кощунства, то есть насмешки и кощунства над священными предметами и лицами, не подслушала нечаянно невинная душа твоего родного или чужого дитяти, которое может запомнить эту гадость на целую жизнь, а потом и в погибель употребить твое срамословие. Соблазн – дело великое. Убить соблазном душу невинную едва ли не гораздо больший грех, чем убить человека. Разбойник убивает только тело человека, а ты своим блудным

срамным словом можешь убить и душу и тело другого, который может передать эту смертельную отраву еще кому-нибудь, а тот опять другим, и так далее. Поэтому и Спаситель сказал о соблазнителе: *иже аще соблазнит единаго малых сих верующих в Мя, уне (лучше) есть ему, да овесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей* (Мф. 18, 6).

Неразумный ты человек! Подумай, что ты делаешь, когда уста свои сквернишь! Какой ты тяжкий грех на душу свою тогда берешь! Ведь Господь-то на всяком месте владычества Его, Он все слышит и все видит. Ужели ты решился бы сказать срамное слово перед тем начальником, от которого ты зависишь? Мог ли бы тебе простить такую дерзость царь земной, если б ты в его присутствии вздумал говорить срамные слова при детях его? Как же ты не боишься дозволить себе этот срам, когда знаешь, что всегда и всюду невидимо присутствует с тобой Царь Небесный и Его Святые Ангелы?.. Или ты хочешь удалить их от себя своим сквернословием? Пожалуй, удали, но тогда с тобой останутся только одни диаволы. В самом деле, что в том удивительного, если чистые по самой природе своей святыи Ангелы не могут быть близко к человеку, который заразил вокруг души своей весь воздух сквернословием? И что тут невозможного, если к нему в таком состоянии приближаются бесы смрадные, навевая ему и в ум, и во все уды и составы все нечистое и злое, как это и видят часто

наяву люди, преданные пьянству и разврату до крайности? Поистине дивно долготерпение Бога милосердного, Который еще не хочет смерти или казни грешника, но ждет его обращения на истинный путь, пока исполнится мера Его долготерпения.

Своим сквернословием ты оскорбляешь Господа Бога, бросая в грязь неоцененный дар Его, каким Он отличил тебя от животных неразумных, бессловесных. Оскорбляешь ты и Ангела Хранителя души и тела твоего, отгоняя его прочь от себя своим сквернословием и заставляя его плакать о твоей гибели. Оскорбляешь ты и Матерь Света, Пресвятую Деву Богородицу, равно как и свою родную мать, когда ругаешься скверными словами. Ты убиваешь и душу свою, окружая ее смрадом, выходящим из уст твоих. И всем противен ты, от Бога до Ангела, от человека до скота! После этого скажи мне: как же ты осмелишься назвать Господа Бога Отцом твоим – тем самым языком, которым так недавно изрыгал ты срамные и непотребные слова? Разве у Отца Небесного такие дети, как ты, Его несчастное создание? Как ты с этими нечистыми устами дерзаешь приступить порой даже и к принятию Святых пречистых и боготворящих Таин, когда ты и простого хлеба недостоин: ведь и простой хлеб есть Божий дар?

Образумься же, несчастный, посмотри, остановись, размысли, рассуди, подумай: ведь жизнь твоя не вечна на земле! Не всё Господь милосер-

дый будет терпеть твои грехи, не всё будет сносить твое срамословие, которым ты губишь себя и других. Там, где милость Его прекращается, там страшный вечный гнев Его является. Покайся же, брат мой, исправься, брось, пока не поздно, брось навсегда свою несчастную привычку сквернословия! Наказывай себя за каждое гнилое слово – поклонами, милостыней, молитвами... Проси у Бога помощи в борьбе с этой привычкой. Ведь и пред Богом грешно, и перед людьми стыдно, и перед самим собой-то совестно и опасно... Истинно так! Аминь*.

* Троицкий листок № 719 // Троицкие листки. Духовно-нравственное чтение для народа. № 601–800.

Грешно сквернословить

Господь отличил человека от всех других земных тварей даром слова, чтобы он, с одной стороны, мог прославлять Бога и возвещать Его святые дела, а с другой – выражать свои добрые мысли и чувствования, свои различные нужды и потребности. Но человек, забывая волю Божию, часто злоупотребляет этим драгоценным даром, произносит, по выражению Апостола, слова гнилые, каковы: клевета, осуждение, ложь, клятвопреступление, бусловие, сквернословие и т. п. Предостерегая христиан от таких и подобных слов, святой апостол Павел говорит: *всяко слово гнило да не исходит из уст ваших* (Еф. 4, 29). Но из всех гнилых слов самое гнилое и греховное есть, без сомнения, срамословие, или сквернословие, которое, к сожалению, сильно распространено у нас. Ввиду этого, по долгу пастыря, я вознамерился сказать несколько слов об этом гнусном пороке – сквернословии, о котором не хотелось бы говорить, если бы зло, от него происходящее, не было так значительно.

Кто привык к употреблению скверных слов, тот прежде всего не только растлевает душу

свою, но и беспрепятственно позволяет зародиться и усиливаться в ней многим дурным помыслам и греховным пожеланиям. *Язык, по выражению Апостола, водворяется во удах наших, скверня все тело* (Иак. 3, 6). Человек, привыкший к сраму на словах, заразив развратом свою душу, часто не может удержаться от разврата телесного. Человек, *обучаяся словесем поношения*, – говорит премудрый сын Сирахов, – *во всех днях своих не научится* (Сир. 23, 19), то есть если человек не воздержится от срамных слов, то никогда не научится доброй нравственности. Растлевающая и заражающая гниlostью и развратом свою душу и тело, сквернослов в то же время заражает гниlostью и греховностью и души тех, которым волею или неволею приходится выслушивать срамные слова.

Ведь стыдно сказать, а надобно признаваться: многие сквернословят, не стыдясь ни родителей, ни жен, ни сестер, ни собственных детей. А для детей-то сквернословие поистине есть огонь, сожигающий их невинные души, и яд смертоносный (см.: Иак. 3; 6, 8). Дети обыкновенно всему научаются от старших, всё стараются от них перенять, особенно – что часто слышат и видят. И вот постоянно слыша, как отец или кто-либо старший из семьи извергает скверные слова, дети сами с малолетства приучаются к тому же, оскверняют и они свои уста срамными речами. Таким образом, сквернослов обучает детей не добру: обучает греху не знающих греха. А Спаситель сказал: *кто соблазнит одного из малых сих...*

тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море (Мк. 9, 42).

Наконец, присоединим еще и то, что уста наши суть такой орган, чрез который мы возносим молитвословия к Богу, лобызаем святые иконы, приобщаемся страшных Таин Тела и Крови Господней и на который кладется печать дара Духа Святого. Прилично ли после этого употреблять сей орган для слов скверных и гнилых, исполненных всякой нечистоты? *Еда ли источник от единого устия источает сладкое и горькое?* (Иак. 3, 11). Поэтому-то Богом просвещенные учителя веры и благочестия, зная весь вред и великую греховность от необузданности языка, своими примерами и наставлениями заповедали каждому из нас строго обуздывать язык свой. *Для слов твоих сделай вес и меру, и для уст твоих – дверь и запор* (Сир. 28, 29), – говорит один из таких учителей. Если подвижники благочестия сами так усиленно заботились и так настоятельно нам внушают воздерживаться от всякого празднословия, то тем более должно воздерживаться от слов скверных, развращающих души христианские и оскорбляющих Самого Бога. Спаситель сказал: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздают о нем слово в день судный* (Мф. 12, 36). Если же, по слову Господа, за всякое праздное слово мы должны дать ответ Богу, то подумайте, какому наказанию подвергается человек за слово скверное, которым он растлевает свою душу, заражает гниlostью и греховностью

души ближних, оскорбляя и оскверняя в них все чистое и святое. По откровению слова Божия, никакой ругатель и сквернослов Царствия Божия не наследит (см.: 1 Кор. 6, 10).

Итак, будем помнить, что слово в человеке есть святейший дар Божий, а потому не будем осквернять уста свои гнилыми, скверными словами, за которые мы должны отдать строгий ответ Господу, ибо от слов своих мы оправдаемся и от слов своих осудимся (см.: Мф. 12, 37). «Господи! Положи хранение устам нашим и дверь ограждения о устах наших» (см.: Пс. 140, 3), дабы никакое гнилое слово, особенно скверное, не исходило из уст наших!*

* Курский Епархиальный Вестник. 1892. № 23.

Содержание

Попытка оправдаться <i>Вместо предисловия</i>	3
--	---

Владимир Малягин

Слово Главного редактора.....	5
-------------------------------	---

О грехе сквернословия 9

Никон (Рождественский), архиепископ

Порок языка	11
-------------------	----

Варнава (Беляев), епископ

Сквернословие: «площадная, матерная брань», «словесный эксгибиционизм»	18
---	----

Сергей Николаев, протоиерей

О грехе сквернословия.....	31
----------------------------	----

Вениамин (Новик), игумен

Антислово	49
-----------------	----

Афанасий Гумеров, священник

В чем грех сквернословия?	56
---------------------------------	----

Александр Половинкин, священник

О сквернословии и не только	58
-----------------------------------	----

Андрей Ткачев, протоиерей

Мат – не наш формат	80
---------------------------	----

Сквернословие – оружие массового поражения 83

Сергей Виноградов

Сквернословие	85
---------------------	----

<i>Дмитрий Мамонов</i>	
Воспитатель новых поколений	93
<i>Роман Багдасаров</i>	
Попустительство сквернословию угрожает безопасности граждан.....	99
<i>Мария Дмитриаш</i>	
Трехэтажное неуважение	106
<i>Юрий Скубак</i>	
Попробуем без мата!	115
<i>Василий (Фазиль) Ирзабеков</i>	
Хула или скверна?	122
Оружие массового поражения	138
Что такое мат?	142
<i>Андрей Карпов</i>	
Черная брань (слово о русском мате)	147

Приложение 169

Беседа о сквернословии и о матерном слове	171
<i>Иоанн Полисадов, протоиерей</i>	
Кто учит людей срамословию?	177
Грешно сквернословить	184

НЕВИННАЯ ПРИВЫЧКА
или
СМЕРТНЫЙ ГРЕХ?

*Издание
Данилова мужского монастыря*

Директор Издательства – С. Дубинкин
Главный редактор Издательства – В. Малягин

Редактор-составитель – Н. Шапошникова
Художник – А. Григорьев
Компьютерная верстка – О. Гришина
Корректоры – И. Алферова, Е. Свинцова
Компьютерный набор – Т. Божевольнова
Фотограф – С. Веретенников

*Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.
Подписано в печать 03.07.2012. Формат 84×108^{1/32}.
Печ. л. 6. Тираж 10 000. Заказ №*

*Издательство «Даниловский благовестник»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 20*

*При участии ООО «Эмпреза»
Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК»
«Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14*

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЗДАНИЙ

Данковский монастырь предлагает:

Более 1200 наименований книг православных издательства, в том числе книги издательства Данковского монастыря: **Данковский бегемотство, богословская литература, классика, подарочные издания, юмор и юмористические.**

У нас вы можете сделать предзаказ книги на индивидуальную доставку необходимой вам продукции по телефону факсу или электронной почте.

Крупнооптовым покупателям высланы почтой каталоги по факсу или почтой.

При необходимости обеспечиваем доставку книг железной дорогой, автоперевозом, бесплатную доставку на любой д/д вокзал Москвы.

По вопросам приобретения одного или нескольких экземпляров книг или дисков убедительно просим обратиться в уполномоченного торгового агента.

Адреса

Госпитальная торговля: Москва, ул. Даниловский Вал, д. 22, в стене монастыря, в здании Преображенского Серафима Сорожского.

Телефон: (495) 955-67-07.

Часы работы: 8.00–20.00 без выходных.

Отдел распространения изданий: Москва, ул. Даниловский Вал, 15-а, дворовый вход, в здании школы имени Святых угодников монастыря.

Телефон: (495) 958-57-89; **факс:** (495) 953-80-59

E-mail: sp@svyazinfo.ru <http://www.svyazinfo.ru>

Красная ст. м. «Тургенев», 7 мин. пешком или трам. 3, 35, 38, 53, А до остановки «Финская монастыря».

Часы работы: 9.15–17.30

кроме субботних, воскресных и праздничных дней.

Дирекция Издательства: Москва, ул. Даниловский Вал, 10/12, офис 215

Телефоны: (499) 764-78-45, 764-78-54, 764-78-47

E-mail: info@izdat.ru